

ПРИАМОВЫ СЕРЕЖКИ

—
АННА АВИТАЛЬ БАСНЕР
Родилась в 1991 году.
Окончила Санкт-Петербургский государственный университет и Дублинскую бизнес-школу имени М. Смерфита. Пишет прозу, научно-популярные статьи и учебные нейсы. Резидент Переделкина.

Моей маме

С трех лет Люша была твердо убеждена, что все самое интересное находится в земле, будь то сладко пощипывающий язык редис, полупрозрачный фиолетовый камешек или дождевой червяк. Когда Люша сидела в песочнице среди сверстников, лепивших куличи, и усердно черпала ведром грунт, стороннему наблюдателю сразу бросалась в глаза целенаправленность процесса – словно эта пухлая, зефирной нежности кроха пыталась докопаться по меньшей мере до станции метро «Маяковская», которую в те годы как раз закладывали в Ленинграде.

Мама Люши, Антонина Семеновна Крымова, стройная женщина, носившая пышную укладку бабетта с высоким, залитым лаком начесом, работала администратором в Кировском театре. Своей дочери она дала имя в честь балерины Улановой, сама же потом стала ласково называть Галюшей, а когда теряла терпение – Люшей. Вскоре первый слог за ненадобностью отвалился, и Галюша превратилась просто в Люшу.

При всей непосредственной близости к боге-ме человеком творческим Антонина Семеновна не была. В то же время театральная должность наложилась на нее печать светскости и легкого снобизма. Перво-наперво она научила дочь, в какой

руке держат нож, а в какой – вилку, и странно гордилась тем, что Люша любому сладкому предпочитала азербайджанские маслины (их и многие взрослые-то не ели), – видела в этом зачатки будущего тонкого вкуса. А вот тому, что Люша всегда возвращалась с прогулок чумазая, как чертенок, Антонина Семеновна, конечно, не радовалась. Но что поделать – дети.

Когда Люше исполнилось восемь, родители взяли ее в гости за город, на взрослый юбилей. Судя по недовольно поджатым маминим губам, парадным золотым сережкам величиной со спелую черешню и гигантскому букету вонючих лилий, который ехал в электричке по соседству с Люшей, чувствовали кого-то из женщин – папиных коллег. Люшин папа Геннадий Вадимович, рослый и бородатый школьный географ, был всеобщим любимцем. По нему сохла половина учительской, а другая половина, постарше, воспринимала как приемного сына.

Праздничный банкет с неперменной селедкой под шубой и мутным дрожащим холодцом накрыли на застекленной веранде старой двухэтажной дачи. Отмечали пятидесятилетие Нонны Викторовны Стрельцовой, с чьим гнусавым толкованием всемирной истории Люша еще не сталкивалась, поскольку училась в начальной школе. Именинница жирно мазнула маме по щеке помадой, приняла

у Люши букет, винтила его в ведро, разворотив охапку мятых роз. Пригласила Крымовых к столу, главным украшением и композиционным центром которого служил величавый, с золотистой корочкой гусь на овальном блюде, обложенный дольками сморщенных яблок.

Вокруг расселись с десяток незнакомых взрослых и трое нарядных, точно конфеты в фантиках, детей. Мальчики были на пару лет помладше Люши (то есть слишком маленькие, чтобы вызвать с ее стороны какой-либо социальный интерес). Дочка Нонны Викторовны, Светочка, училась с Люшей в одном классе. Теоретически все располагало к общению, но Люше не понравился объемистый капроновый бант, смотрившийся на ее голове как дурацкая, набор сползшая шляпа. Взрослые же страшно умилялись и поминутно трепали Свету за красные щеки – не хватало еще с ней за компанию получить щипков.

За окном сеял мелкий летний дождик. Уютно запотели стекла. Люша ерзала на двух томах советской энциклопедии, помещенных на стул, чтобы ей сиделось повыше. Слушала бесчисленные тосты, с тоской глядела на склизкие маринованные грибочки, которые мама переложила ей в тарелку из хрустальной розетки, и маялась. Самое вкусное – картошку в аппетитных горелках, пахучий бутерброд со шпротами и, разумеется, маслины – она уже съела.

Взрослые помягчели и зарумянились. Даже у мамы, весь день улыбавшейся так, будто ее сзади тянули за уши, на левой щеке проступила ямочка. Потребовались развлечения. В середине веранды установили табурет, на который друг за другом забирались дети и отбывали увеселительную повинность: кто отделялся песенкой, кто – незатейливым стишком. Светочка шепеляво прочла басню про мартышку и очки – на месте молочного зуба у нее розовела квадратная дырка.

Подошла и Люшина очередь. Она продекламировала с двумя запинками заранее заготовленного Маршака (а сбивалась Люша оттого, что мама все выступление синхронно шевелила губами) и сползла с табуретки. И тут представился шанс: одна из тетенок, широкая и бархатная, вроде придворной жабы, смахнула с напудренной щеки слезинку и томно выдохнула: «За детей». Улучив момент, когда гости звонко чокались, Люша выскользнула с веранды.

Выходить на участок без спроса мама строго-настрого запретила. Это из-за платья – нового, бело-голубого, со сборками, круглым вышитым

воротничком и малюсенькими рукавичками на туговатых резинках, которыми ужасно натирало под мышками. «Только попробуй изгваздать», – сурово предупредила мама еще в городе. Внятной угрозы за этим не последовало, но начавшая стремительно взрослеть Люша уже понимала: неизвестность, как правило, гораздо страшнее любого конкретного наказания.

От нечего делать Люша обследовала коридор. Грустно отметила, что входная дверь, ведущая на запретный участок, отпирается простым поворотом ключа, но соблазн поборола стоически. Наведалась на кухню, где пунцовая сестра хозяйки, сжимая нетвердой рукой консервный нож, вскрывала банку с дефицитными персиками.

Люша поднялась по шиплым ступенькам на второй этаж. Послониалась по небольшим комнатам среди кроватей, диванов и раскладушек, кое-как застеленных, чтобы разместить ночующих гостей. Изучила коллекцию пыльных ракушек на полке, прошла взглядом по книжным корешкам, тронула струны бокастой гитары, которой, похоже, мало это понравилось. Отважно сунулась в громадный, грозивший проглотить сундук. Никакого пиратского клада, впрочем, внутри не обнаружила – и вообще ничего, кроме затхлой одежды.

С веранды долетали крикливые отголоски. Время от времени звенели бокалы, брякали стопки. Кто-то что-то разбил, захмелевшие тетеньки вразнобой завопили: «На счастье!» Люша уже все осмотрела, но спускаться к столу ей категорически не хотелось. Она устала. Картошка со шпротами согревала живот, клонила своей теплой тяжестью в сон.

Подготовленным для гостей постелям с противно холодным и сыроватым бельем Люша предпочла массивное продавленное кресло у окна. Забралась с ногами, стащила со спинки сквозистую шерстяную шаль, укуталась. Вечерело; из углов комнаты к Люшиным пяткам потянулась темень – не знакомая домашняя темнота, живущая у нее в шкафу и под кроватью, а чужой, тревожный, скрипучий сумрак. Перевесившись через подлокотник, Люша ощупала голенастый торшер, нашла заветную пупочку, включила свет – стало лучше. Угнездилась поглубже в кресле, бочком уперлась в нечто твердое.

В книжку. Точнее, в автобиографию (хотя это слово Люше было пока незнакомо). Зачитанную, не очень толстую, в бурой обложке, на которую неизвестный оформитель поместил горшок с желтыми украшениями. «Золото Трои», Генрих Шли-

ман. На первой странице – фотопортрет лобастого дядьки с гнутыми книзу усами и таинственным взглядом, обращенным куда-то за пределы кадра. Как позже поймет Люша, в вечность.

Люша любила читать. Она полистала замусоленный томик, задерживаясь на черно-белых снимках, и у нее вдруг сбилось дыхание. Грубая каменная кладка, горы вывороченной земли, лопаты... А дальше – женщина с симметричным и невозмутимым лицом. Настоящая красавица. От совершенной греческой скульптуры из Эрмитажа ее отличала только маленькая родинка на скуле. И вся в драгоценностях: на груди лежало многорядное ожерелье из тонких цепочек, длинные серьги оттягивали мочки, золотые подвески двумя косами спускались на плечи от широкой, с частой бахромой диадемы. И подпись: «Супруга Генриха Шлимана София в украшениях из кладки Приама». Предчувствие не обмануло, это клад! Люша торопливо вернулась в начало и припала к тексту.

Люшина мама обнаружила дочь несколько часов спустя в том же кресле, замотанную в кокон из какой-то ветхой шали. Собралась было пожурить, что Люша против всяких приличий улизнула из-за стола, но, заметив книжку, оттаяла. Чтение в системе ценностей Антонины Семеновны стояло по рангу выше этикета. И все-таки Люше давно уже полагалось спать, а не сидеть, согнувшись крючком, над мелким текстом. Поэтому, несмотря на умоляющее «Пожалуйста, еще чуть-чуть!», от которого щемило сердце, Антонина Семеновна отправила дочку в постель. Чтобы Люша угомонилась, со вздохом пообещала с утра одолжить Шлимана у хозяйки.

Антонина Семеновна и сама страсть как хотела лечь. Голова неприятно прояснялась и побаливала – начинало выветриваться выпитое вино. Разухабистый бабский юбилей чертовски ее утомил. Вот в Комарове, когда были у Петровых, в доме творчества композиторов, – совсем иное дело. И публика интеллигентная, и разговоры другие, интеллектуальные, это вам не вульгарные сплетни учительок о дрязгах в роно, споры о методах засолки огурцов и непрерывное брюзжание, какова, дескать, пошла молодежь. Генку обхаживают так гаденько: кто лапкой увядшей дотронется невзначай до его руки, кто оливьешки с майонезом в тарелку, да побольше... Старые тетехи, тьфу.

Стараясь не попасться никому на глаза, Антонина Семеновна добралась до умывальника. Возвратилась в комнатку к Люше, которая сопела на

широкой кровати мордашкой к стене. Вытащила из ушей округлые серьги, проворными пальцами перебрала распадавшуюся прическу на предмет шпилек. Залезла к дочери под комковатое ватное одеяло. Аккуратно положила голову на подушку, чтобы не замять волос – укладку нужно было сохранить до завтра любой ценой. Немного погодя поднялся наконец и Гена.

Когда Люша проснулась, было темно, лишь фонарь с дороги давал слабый гудящий отсвет. Мама спала, вытянувшись стрункой. Раскатисто храпел папа. Уснуть обратно не представлялось возможным: у Люши возникла идея, которую приспичило воплотить немедленно.

Она выкрутилась из жаркой постели. Сунула ноги в сандалии, наступив босыми ногами на колкие пряжки. Нашарила в полумраке платье, помедлила, засомневалась. Напялила вместо него папину сорочку, насквозь пропахшую табаком и приторной смесью духов. Стиснула в потном кулачке мамы драгоценные сережки – дутые шарики в замысловатой золотой оплетке корзинкой. Ясное дело, чтобы считаться заправдашним кладом, они должны пролежать в земле как минимум ночь. Так она думала, пока кралась вниз по лестнице, замирая и прислушиваясь при каждом скрипе.

Дверь и впрямь открылась легко. Перед Люшей мрачно колыхался мокрый шелестящий сад. Зудели ночные насекомые, их стрекот напоминал нестерпимую щекотку. На мгновение Люшу парализовало. Ее отчаянно потянуло к родителям, назад, под теплое одеяло. Глубоко вздохнув, она ступила с безопасного крыльца в неведомое.

Сандалии мигом отсырели. Соскальзывая со стелек, Люша потопала по дорожке к клумбе, засаженной еле различимыми мглистыми цветами. Бухнулась на колени, подмяв отцовскую рубашку, поспешно разрыла среди сизых стеблей влажную ямку. Положила туда сережки, накидала земли. Огляделась в поисках какой-нибудь веточки или камня – обозначить место, – но таковых в темноте не сыскалось. Люша постаралась запомнить приметы: размытый изгиб тропинки, два сумрачных куста.

Задуманное было исполнено. Люша юркнула обратно в дом. Разделась и легла, тесно прижалась к маме, так и не поменявшей позы. Чрезвычайно довольная вылазкой, уткнулась головой в подушку и быстро заснула, представляя смелого археолога Генриха своим мужем, а себя – его прекрасной античной женой в многорядных золотых украшениях...

Само собой, наутро сережек она не нашла – забыла, где именно закопала. Удивительно: при свете дня сад показался Люше совсем другим, цветным и четким, каким-то ненастоящим, точно вырезанным из бумаги. Зыбкие ночные ориентиры исчезли. Ох и влетело же ей тогда – и за сережки, и за отцовскую рубашку, неминуемо испачканную. Которая, собственно, Люшу и выдала. Но все это было абсолютно неважно: вместе с заслуженной взбучкой мама вручила ей книгу, перепавшую от щедрот великодушной с большого бодуна Нонны Викторовны.

– Насовсем? – тихонько уточнила обалдевшая Люша, прижимая к груди потрепанного Шлимана.

Мама сухо кивнула. Ей было тошно от мысли, что однажды, вскапывая сверху задом свои чахлые клумбы, Нонна Викторовна непременно наткнется на серьги – и, конечно, оставит себе. Наверное, стоило попридержать у себя книжку. Даже, может, соврать Люше, мол, не дали. Так сказать, в воспитательных целях.

Но тяга дочери к чтению по-прежнему обладала в глазах Антонины Семеновны особой ценностью – высокой, гораздо более высокой, чем у любимых, подаренных мужем сережек.

Археолог-самоучка Шлиман так и остался Люшиной первой любовью. Чем пленил ее этот путешественник, полиглот и торговец? Неутолимой жадью знаний, тягой к авантюрам, а может, чистой и по-детски наивной верой в поэмы аэда Гомера, которые подсказали ему местонахождение загадочной Трои... Пожалуй, всем понемногу.

Правда, когда выяснилось, что советские археологишлимановскими мифологическими тропами не ходят, в Грецию не ездят, а работают в основном в Крыму или на Кавказе, разгоревшийся в Люше огонь несколько пригас. Ровно до тех пор, пока к ним в пятый класс не перевели новенькую Веру Стерх.

Молчаливая Вера с ее куцей чернявой стрижкой, выпяченным подбородком и долговязой фигурой была тут же признана девчонками какой-то странной. Коричневое школьное платье, симпатичное само по себе, совершенно на ней не сидело. Особенно бросались в глаза непомерно короткие рукава, из которых высывались тяжелые ладони со старательно, но неуклюже подпиленными ногтями на длинных пальцах.

Однажды, на следующий день после первого в том году родительского собрания, востроносая Светка Стрельцова, ставшая главной сплетницей

класса, явилась в школу в состоянии крайнего возбуждения. Вид имела торжественный и многозначительный.

– Люш, а ты знала, что Верин папа колдун? – шепнула на уроке истории, теребя вылезшую из растрепанной русой косицы белую ленту.

Люша нахмурилась. В колдунов она не было-то верила. Хотя, признаться, почувствовала пробежавшую по позвоночнику ледяную мурашку. Всего одну.

– С чего ты взяла?

– Мама сказала папе, у него вся квартира в черехах! Человеческих! – Взбудораженную Светку аж потряхивало, в уголке маленького рта поблескивал перламутровый пузырек слюны. – А Вера его падчерица, он ее держит при себе, как прислугу. Говорю тебе!

– Да ну тебя с твоими сказками, – буркнула Люша, силясь услышать, что именно гундосит у доски Нонна Викторовна про границы греко-македонских государств.

Обиженная Стрельцова уткнулась в тетрадку. Жгучий темный секрет, распиравший со вчерашнего вечера, был израсходован зря – угас, словно бенгальский огонь, который неловко уронили в сугроб.

Благодарные слушатели у говорливой Светки все же нашлись. К концу дня новость облетела весь класс и обросла совсем уж фантастическими деталями (например, о ведовских обрядах с детскими костями, которые зловещий Стерх проводил перед сном). На Веру, обреченную из-за роста вечно торчать на камчатке, то и дело косились – одни с опаской, другие сочувственно, – но знакомиться поближе и проверять интригующие сведения, естественно, не желали.

Сказать по правде, Люша тоже не переставала думать о Верином отце. Совсе он не колдун – в этом она практически не сомневалась... Но, может быть, с трепетом размышляла Люша, он археолог? Она уже знала, что ученые раскапывают древние могилы не золота ради, а чтобы найти интересные вещи и человеческие останки. Ну откуда еще, скажите на милость, у Стерха было взячься черепам? Ее собственный папа в ответ на расспросы только плечами пожал и, ухмыльнувшись в усы, дал совет подружиться с Верой.

Люша прислушалась. Усаживалась к Вере за парту, предлагала скрепя сердце свою сосиску в столовой, вставала в пару на физкультуре – в общем, брала измором. Вера на сближение поначалу не шла. Поглядывала исподлобья, на уро-

ках не болтала, от сосиски, к досаде и радости Люши, вежливо отказывалась. Вероятно, ждала подвоха.

Не терпящая поражений Люша сменила тактику – стала наблюдать. На переменах Вера постоянно играла сама с собой в непонятную игру. Выписывала на тетрадном листочке циферки, потом в неизвестном порядке зачеркивала. Люша гадала-гадала, пробовала и так и этак, однако общего принципа не вывела. Лишь частности: что числа идут от одного до девятнадцати, а вычеркивать надо те пары, которые в сумме образуют десять. Тогда она села в очередной раз рядом с Верой, достала тетрадку и принялась играть как умела.

– Неправильно, – не выдержала Вера. – Пары должны находиться вместе или через зачеркнутые цифры, как здесь и здесь. А в конце надо заново переписать оставшиеся числа...

Так и сдружились. Единственное, чего Люше не удалось, – это добиться взаимной симпатии между Верой и Светой. Аккуратистка Вера на дух не переносила расхлябанную, всегда не на те пуговицы застегнутую Светку. Стрельцова же, привыкшая в одностороннем порядке считать Люшу лучшей подругой, называла Веру занудой, жутко ревновала и норовила встрять в каждый Люшин с Верой разговор.

Новая подруга действительно отличалась щепетильностью и почти болезненной опрятностью: крошечное чернильное пятнышко на кружевной манжетке доводило обыкновенно флегматичную, глухую к насмешкам Веру до сердитых слез. Дом она тоже содержала в чистоте. Люша обомлела, напросившись к Стерхам в гости, когда из липкого и загаженного коммунального коридора попала в идеально чистую комнату. Жадно заозиралась – две разделенные платяным шкафом кровати, степенные напольные часы, на окнах светлые венские шторы в мелкую полукруглую складку, напомнившие Люше спущенные чулочки.

Ни Стерха, ни черепов.

– А где твой папа? – разочарованно спросила Люша.

Вера поставила портфель на стул, стянула крапчатое от мокрого мартовского снега драповое пальтишко и повесила на рогатую вешалку.

– В кабинете работает. А тут у нас общая комната.

– Над чем работает? – не сдавалась Люша.

– Он ученый, пишет про древних людей, – отмахнулась Вера, сочтя объяснение достаточным, – возьми тапки, поможешь мне с обедом.

На кухне, больше похожей на общественную уборную из-за немых кафельных стен и обилия засаленных тряпок, Вера вытащила из холодильника внушительную эмалированную кастрюлю с алыми маками на боках. Взгромозила на плиту, где уже кипятилось чье-то белье, наполняя помещение горячим хлорным паром. Ловко, с одной спички, включила газ. Мотнула головой на шкафчик: «Доставай три плоски», сама порезала хлеб. Разлила половником куриный суп с вермишелью. Две плоски загрузила на поднос, вручила его Люше. В третью запустила ложку и, прихватив посудину полотенцем, понесла в ладонях.

Не дойдя до общей комнаты, Вера постучала мыском тапки в облезлую дверь. Щелкнул замок – и на пороге возник длинный носатый мужчина в квадратном твидовом пиджаке, свеженаглаженных брюках и большущих стариковских очках. Стерх. Вера шмыгнула в кабинет. Люша вытянула шею – хоть бы одним глазком увидеть черепа, но Стерх скользнул по ней незаинтересованным взглядом, что-то бормотнул и захлопнул дверь. Люша так и осталась стоять, как дурочка, с подносом в коридоре, пока не вернулась Вера и не впустила в соседнюю комнату.

Суп был замечательный – ароматный, маслянистый, с тертой морковью. Правда, немного, самую чуточку, отдавал хлоркой.

– Вкусно. Моя мама тоже такой делает, – заметила Люша, дую в ложку, и осеклась. Наверное, она допустила бестактность?

Но Вера несколько не расстроилась. Наоборот, улыбнулась, и от этой мягкой улыбки вдруг стала неожиданно взрослой.

– Секрет в том, чтобы сперва жаренку сделать из лука с морковкой, – объяснила она.

Деликатно пристроила ложку на край посудинки, сняла с полки увесистую поваренную книгу. Принялась тыкать пальцем в рецепты и смаковать всяческие кулинарные подробности, мало занимавшие Люшу.

Готовка в Люшином сознании накрепко связывалась с оседлостью и бытом, а значит, была занятием не то чтобы недостойным, но для великих путешественников явно бесполезным. Люша слушала Веру вполуха, ее, понятное дело, сейчас волновал исключительно кабинет. И ей несказанно повезло. Когда Вера прошествовала на кухню с опустевшими плосками, Люша выглянула в коридор и заметила, что воделенная дверь слегка приоткрыта.

Сунула нос в щель – никого. По центру кабинета стоял исполинский письменный стол.

Вытертое, местами прожженное сукно зеленело из-под вороха бумаг, испещренных какими-то чертежиками. Отсвечивала хрустальными гранями переполненная пепельница с латунным ободком. По периметру комнаты – книжные шкафы с прозрачными дверцами. Люша подошла к одному, поднялась на цыпочки. В стеклах отражались, мешая смотреть, тусклые блики настольной лампы.

Люша прищурилась, покрутила головой и углядела среди трухлявых томов потусторонний костяной оскал. Отступила и зачарованно ахнула – тут и там щерились потрескавшиеся желтоватые черепа: большие и малые, с нижней челюстью и без... А на полке ниже, к вящему изумлению Люши, лежали, лоснясь атласом, нежные, пусть и стесанные на носках балетные пуанты, изысканный флакончик духов и письма, несколько перехваченных лентами пачек...

– Кто тебе разрешил это смотреть, девочка? – раздался высокий, недовольный голос.

У Люши запылали щеки. Онемев от смущения, она повернулась к хозяину кабинета. Из коридора шершаво повеяло запахом кофе. Стерх навис над ней, раздувая ноздри огромного горбатого носа. Сжимал крупными плоскими пальцами кожаную папку – глядишь, сейчас прихлопнет, как глупую осу. В очках Люша увидела свое испуганное отражение поверх его увеличенных, с кровавыми прожилками, глаз. Она пролепетала извинения и опрометью выскочила в коридор, где на нее сердито зашипела Вера.

Стерх положил папку на стол. Растерянно провёл пятерней по волосам, жалко зачесанным назад, чтобы скрыть недавно обнаруженную пролысинку. Вытянул из кармана носовой платок и стер со стекла следы маленьких пальчиков. Надо будет еще раз сказать Вере, чтобы не пускала сюда подружек. Слишком уж опасался Стерх, страстный театрал, безнадежно и безответно влюбленный во всех московских и некоторых ленинградских прим, за свою скромную коллекцию. Ну какой девочке не захочется поиграть с этими манящими штучками? Балерины... Изящные, легконогие, сладчайшие из созданий...

Люша и сама себя ругала последними словами – совсем от волнения смешалась, балбесина, не спросила у Стерха главного. Ничего, кое-что важное она тем не менее выяснила и уже знала, как использовать: Стерх, очевидно, любит балет. А в сумке у Люшиной мамы хранится специальная книжечка с пропускными бланками, которая вку-

пе с волшебным словом «контрамарка» укрощает даже хамоватых врачей из поликлиники. В переговорную силу книжечки Люша верила непреложно.

О том, чтобы снова без разрешения попасть в кабинет к Стерху, не могло быть и речи, поэтому Люша при следующем визите тайком от Веры записала книжечку вместе с запиской в узкий проем под дверь. Сообщение было простым и вежливым: Люше, будущему археологу, очень хочется узнать, где «многоуважаемый» ученый и коллега раскопал древние черепа...

Не прошло и четверти часа, как Стерх нагрел в общую комнату. Вера только что встрясла из тканевого мешка пластмассовые фишки для «Эрудита» и теперь переворачивала их буквами вверх на ковре.

– Значит, черепа, а, девочка? – спросил он Люшу, помахав запиской. – А я-то думал... Ну, пойдем.

Обмирая всем тельцем, от корней волос, скрученных мамой в тугие каральки, до грязноватых пяток, Люша последовала за ученым. В кабинете Стерх дернул дребезжащую дверцу шкафа. Вынул глянцевитый череп, протянул Люше. На ощупь костяной каркас был твердым и гладким, как бы полированным. И совсем не тяжелым.

– Вы археолог? – задала она давно мучивший вопрос.

– Нет. Антрополог. Ты понимаешь разницу?

Люша неуверенно кивнула. Стерх тепло усмехнулся, поправил очки, усаживая их обратно на красноватую вмятину тонкой переносицы.

– Археологи изучают, как люди жили. Зачастую они первыми спустя тысячелетия прикасаются к предметам быта и ископаемым останкам. Наша наука тоже уделяет таким находкам большое внимание, но нас волнуют вопросы культуры, этносов, проблема антропогенеза... Происхождения человека, – пояснил он. – Кто мы. Откуда пришли.

За ворот Люше пробрался нездешний сквознячок, словно выползший из какого-то доисторического кургана.

– А зачем вам столько черепов? – полюбопытствовала она, не в силах отвести взгляд от пустых глазниц.

– Был такой видный антрополог, Михаил Михайлович Герасимов. Мой учитель. Я продолжаю его работу. Он разработал методику, благодаря которой мы можем изучить череп и понять, как выглядел его обладатель. Получить представление о внешности хоть древнего неандертальца, хоть Ивана Грозного.

– Покажите, – потребовала Люша и отдала Стерху череп. И добавила: – Пожалуйста.

Стерх повертел костяной шар в руках, словно выбирал на базаре дыньку-колхозницу.

– Обычно мы начинаем со специальных измерений, краниометрии. Но даже после поверхностного осмотра можно заключить, что это был юноша, судя по профилировке лица, у женщин она другая. Черепные швы, зубы и еще некоторые юнальные особенности строения лицевого отдела позволяют определить возраст, что-то около двадцати лет... Видишь, как хрупкий костный материал. – Ученый легонько постучал черепу по темени. – Сильное недоедание, он очень исхудал. Лоб высокий, с выраженными буграми. Большие глаза... И так далее. Чтобы достичь портретного описания, нужны детальные обводы, по которым затем делается реконструкция из скульптурного воска.

Люша слушала заворуженно. Все это здорово походило на магический фокус. Как воссоздать лицо на основе голых костей? Откуда взять форму носа, если вместо него лишь жутковатое трехугольное дупло? Загадка.

– А этот юноша древний?

Стерх печально покачал головой.

– Нет. Это опытный образец. Мальчика того, ленинградца, не стало тридцать лет назад.

Люша машинально произвела в уме нехитрые расчеты. Сорок четвертый, да, никакая не древность. И принялась дальше выпрашивать про замеры и про воск, и что, прямо лепить нос, уши, как из пластилина?..

Так Валерий Яковлевич Стерх неожиданно для себя превратился в Люшиного наставника и покровителя. Книжечку ту со служебными пропусками после некоторых колебаний он Антонине Семеновне, конечно, вернул, а впоследствии до конца жизни получал контрамарки на все мало-мальски значимые премьеры в Кировском театре.

Первая настоящая Люшина экспедиция состоялась через четыре года. Ей было пятнадцать. Она только-только прошла невыносимую стадию телесных изменений, когда растущий организм беспрестанно преподносит гнусные сюрпризы: то подлый, вызревший за ночь прыщ-жировичок, то острый приступ внутримышечного зуда, а то и темный волосок в неполюженном месте – скажем, на подбородке, – как будто мало природе того безобразия, что происходит в местах подобающих.

Весь остаток весенней четверти Люша изнывала. Ничто не радовало в томительном ожидании поездки. Горчили на языке пятилистники сирени, мальчишки раздражали, первые в жизни туфли на взрослых каблуках натирали кожу до мокрых мозолей. А главное – прежде любимые уроки истории теперь воспринимались как бесконечный пролог. Люше не терпелось перейти от слов к делу.

И вот каникулы. Папа достал с антресолей заляжалый походный рюкзак. Люша затолкала туда запас белья, свитера для спусков в пещеры, рабочие брюки, а еще джинсы и пару платьев – что называется, на выход. Седьмого июня Люша и Вера загрузились в плацкартный вагон. Люшу провожали родители, самостоятельная Вера, как обычно, добиралась до вокзала одна. Валерий Яковлевич прибыл позже, с тройкой веселых студентов-антропологов из ЛГУ.

Поезд шел на Кавказ. Дорога, как ни странно, промелькнула быстро. Люша лежала на верхней полке, перечитывала «Восстановление лица по черепу» Герасимова. Иногда спускалась к Вере поболтать, сыграть в морской бой и пожевать что-то из ее домашних заготовок, фаршированное яичко или сложный многослойный бутерброд. Она испытывала неловкость за Верину стряпню (ну кто берет в экспедицию такие изыски?), и зря: голодные студенты Стерха с ума от них походили и в благодарность даже позвали девочку к себе в отсек порезаться в карты. А ночью Люша лежала под простыней и прислушивалась к их разговорам: парни гудели, строили планы, спорили захлеб о проблемах палеолита. Временами к их басовитому трио присоединялся резкий тенор Стерха... И это было прекрасно.

В Тбилиси пересели на дряхлый автобус. С горем пополам по извилистому серпантину доползли до Цхинвали. Там их встретил Захарыч – жизнерадостный, обильно потевший мужик в нестираной майке и холщовых штанах, подвязанных веревкой. Но за рулем темно-зеленого грузовика с брезентовым верхом, гулкого и грязнящего, как помойный бак, Захарыч был асом, каких мало. Монструозная «шишига», грохоча и кренясь на крутых поворотах, бодро пожирала подъемы и спуски на пути к горняцкому поселку в Кударском ущелье, на северных склонах Рачинского хребта.

Пещерный комплекс Кударо, важнейший памятник каменного и медного веков, богатством уникальных находок ежегодно привлекал на Большой Кавказ самых разных специалистов. Вывезенные отсюда археологами палеолитические орудия,

к примеру сланцевые ретушеры и чопперы из песчаника, пролежавшие в культурном слое без малого триста тысяч лет, и по сей день хранятся в Эрмитаже в залах археологии Восточной Европы и Сибири на первом этаже. А предметом изысканий антропологов были в первую очередь немногочисленные останки архантропов и неандертальцев. Человеческие предки, по всей видимости, спасались от оледенения в хорошо освещенных солнцем окрестных пещерах. Жили здесь, в горах, разводили огонь, охотились на медведей, оленей, бизонов и прочих плейстоценовых животных, чьи кости примерно с середины пятидесятих ученые регулярно выуживали из непроглядных недр.

Высоту в тысяча семьсот метров путники брали пешком, с рюкзаками на плечах. Часто оставались: тяжело было подниматься в гору по натоптанной тропинке, ноги, затекшие после длительного перегона, не слушались. Люша, однако, бежала впереди – сказывался энтузиазм неофита. Не отставал, несмотря на возраст, и Стерх. По мере приближения к стоянке руководитель молодец на глазах; Люша списала эффект на здешний животворящий воздух. Так и шагали вдвоем в авангарде, самый старый и самый юный участники экспедиции, и прыти в них было поровну, как в сообщающихся сосудах.

– Добро пожаловать, – наконец объявил Стерх.

Люшиному взгляду предстала полузаброшенная деревенька. В бедную скальную почву вросли приземистые деревянные домики с большими, почти во всю стену, решетчатыми окнами. Крутобокие уличные печи источали дивный аромат горячих лепешек. «Тандыр», – благоговейно прошептала Вера, а Люша непроизвольно сглотнула. У горки нарубленных дров на сучковатой колоде в позе мудрого старца, подпершись, восседал щуплый смуглый мальчуган и темными глазами провожал прибывших.

– Имей в виду, – предупредил Люшу руководитель, – мы, антропологи, на раскопе народ пришлый. Во-первых, надо уважать местных, это, думаю, без объяснений понятно. Во-вторых, нужно считаться с хозяевами стоянки, археологами. Научными сотрудниками и их практикантами. Они ведут основные полевые работы. Приезжают в Кударо первыми, с оборудованием и провизией, обустроивают базу и последними уезжают. Остальные группы – так, погостить на всем готовом.

– А что за остальные группы? Кроме нас? – встрепенулась Люша, поглядывая, как суровая,

чеканной красоты осетинка развешивает на веревке лохматые шкуры.

За редкозубым штакетником поблеивали овцы. Там и сям в выжженной солнцем траве попадались скопления черненьких козых шариков.

– Палеонтологи, например, – ответил Стерх. – Ищут кости каких-нибудь грызунов, носятся с ведрами и ситами, намывают грунт из раскопа. Геологи-четвертичники почву исследуют. Академик Молчанов сейчас тут, кстати. Увидишь, манерный такой господин, доктор геолого-минералогических наук, за ним всегда бегают рьяный школяр с теодолитом. И гречку ему студенты варят отдельно. Тоже мне, барин, – неодобрительно проворчал он. – А вообще кого только нет... Вплоть до астрономов. Их по синякам под глазами можно идентифицировать. Они бедняги, не высыпятся, ночами звезды считают, а днем их все норовят привлечь к тяжелому физическому труду.

Познакомившись поближе с разнообразными обитателями базы, Люша узнала, что существует еще одна категория «пришлых» – неквалифицированный творческий люд. Поэты, художники, музыканты, прибывшие к экспедиции в поисках вдохновения.

Взять, скажем, флейтистку Сонечку, невесомую и белокурую консерваторскую лорелею, обладательницу чересчур подвижной, словно на шарнирах, челюсти, чьи утренние гаммы будили экспедицию почище пионерского горна. Или медвежьего вида Севу из Ленинградского института киноинженеров, который путал палеолит с неолитом и с первого дня своим невежеством действовал Люше на нервы. Богему тоже снабжали лопатами или кисточками и спозаранку отправляли на раскоп. Впрочем, они не больно-то протестовали, ведь вдохновения от местных лиловых рассветов хоть отбавляй... Встречались и просто эксцентричные личности – как сухошавый йог по прозвищу Мяс-Ляу. Этот питался исключительно грецкими орехами в меду из привезенной с собой пятилитровой банки.

Жилось на базе относительно комфортно, даже не в палатках. Под нужды экспедиции был приспособлен заброшенный осетинский дом на краю скалы. Одно из помещений археологи отвели под камералку. Там чистили, фотографировали и изучали добытый в пещерах материал, а еще, по слухам, назначали поздние свидания. В других комнатах ночевали (кто на раскладушках, кто в тощих спальниках с хлопчатобумажными вкла-

дышами), еду готовили на летней кухне. Дела туалетные браво справляли прямо над бездной, в щелястой кабинке, по-хитрому пристроенной к дому. Умываться шли с бруском хозяйственного мыла на ручей либо наскоро освежались у рамоуника, прибитого к одинокому деревцу. По воскресеньям спускались в нижний поселок – в баню.

Больше всех от тягот этой недопоходной жизни страдала, понятно, чистоплотная Вера. Кропотливая и точная возня с костями в камералке вполне соответствовала ее усидчивой натуре, но вот неистребимая грязь... Тут-то и начались между подругами разногласия. Люша к бытовым неудобствам приладилась быстро, по-спартански; Верино нытье ей стало надоедать. Ну Люша и огрызнулась пару раз, Вера обиделась. А что, не полагается дочери Стерха жаловаться, не к лицу. Тем паче когда столько чудес творится: и полнотные песни под гитару, и сумасшедшие звезды, и первые робкие глотки молодого вина.

Стерх был Люшей доволен, хвалил. Он до последнего колебался, стоило ли брать с собой в экспедицию не одну, а сразу двух неразумных девчонок, от которых только и жди, что будут путаться под ногами. Это ж не студентки Молчанова, подобострастные и вышколенные до нервного тика, а непредсказуемые подростки, женского тем более пола, со всеми их труднодостижимыми потребностями. Что до Веры... Кто знал, что в ней так сильны неврозы, ее клиническая домовитость: готова в студенческом ручье портянки стирать, пока суставы не распухнут.

Разумеется, Стерх понимал, что виноват. Он-то после смерти жены малодушно ушел в работу, а Вере куда было деться? Неспроста она взвалила на себя домашние тяготы, фактически сама себя воспитала по-женски... Стерх даже косичку не научился плести, лишь однажды отвел в парикмахерскую, Вера так и носит с тех пор короткую воробьиную стрижку. Да, наверное, он нерадивый отец, но получше того проходимца, который бросил Верину мать беременной и теперь не имел на дочь ни притязаний, ни прав.

А когда в доме Стерхов появилась Люша, эта неумная девчонка с горящими глазами, все в одночасье пересобралось в причудливую ролевою структуру, о которой Валерий Яковлевич пытался лишний раз не думать. Правда, порой ловил себя на неуютной мысли, что Люша ему как бы дочка, а хозяйственная Вера, столь похожая на маму, – немножечко жена...

Как бы то ни было, Люша, в отличие от Веры, демонстрировала выдающиеся способности к исторической науке, а уж для экспедиционной жизни и вовсе оказалась скроена идеально. Несмотря на похвалы наставника, ей, однако, мнилось, что она медлительна и неуклюжа. Люша лихорадочно ворошила в памяти все проштудированное по теме. Если от руководителя не поступало задач, добровольно бегала на раскоп. Наблюдала за археологами (ее манила их деятельная близость к земле), помогала, училась. И очень-очень старалась, особенно при старших коллегах.

К чести Люши, в пещере и в камералке она и вправду справлялась неплохо. Но на пятый день, когда ее поставили дежурной, случилась катастрофа.

Дежурных на кухню директивным порядком назначал руководитель экспедиции, грозный косматый археолог по фамилии Ванин, носивший полосатые рубашки попеременно с клетчатыми. И накануне Люша с ужасом узнала, что ей в напарники достался не кто иной, как увалень Сева из Института киноинженеров. Спроси ее кто-то – она не сумела бы толком объяснить, чем конкретно ее так бесит этот нескладный, полноватый парень, с умным видом рассуждавший о Тарковском и ни черта не смысливший в истории. Бесит – и точка.

Беда заключалась в другом: как и Люша, Сева решительно не умел готовить. А им надлежало кормить голодных, со свежего воздуха, трудяг. Без малого два десятка. Так что, встретившись утром рокового дня на летней кухне, оба смотрели на три пачки макарон и ровный столбик банок говяжьей тушенки с известным недоумением.

Почесавши в затылках, приступили. Сева с трудом разжег костер, извела коробок спичек. Люша принесла ведро воды и вылила в большой котел. Мучительно припоминая, как кто-то когда-то при ней вскрывал банку с дефицитными персиками, взялась за консервный нож. Подолбила крышку – безрезультатно.

– Да ты не тем концом, дай я, – авторитетно изрек Сева.

Размахнулся, пырнул банку – аж бульон прыснул – и давай орудовать локтем. Люша нахохлилась. Сева кинул торжествующий взгляд. И вдруг как заверещит! Рассек ладонь об острый край. Люша – за аптечкой, шипучая, розоватая от крови перекись, пластыри... Прочие банки Сева открывал уже не отвлекаясь, с идиотским выражением святого страсотерпца на круглом лице.

Переглянулись – что дальше?

– Макароны сыпать? – предположила Люша.
Ей бы с Верой сейчас посоветоваться, да какое там... Сутки не разговаривали.

– А тушенку? – спросил Сева, ущипнув свой мягкий, будто слива, нос.

– И тушенку!

С внезапной, незнамо где взятой решимостью Люша высыпала макароны в холодную воду. Сева поочередно опрокинул в котел банки влажно хлюпавшей тушенки. Перевели дух. Люша с достоинством помешивала половником жирное месиво, подражая Вере.

После того как вода закипела, серо-бурое тесто варево вспучилось и полезло за борта. Запахло горелым: часть макаронной массы прилипла ко дну.

– Что стоишь, снимай! – завопила Люша.

Сева нерасторопно стащил котел с решетки, под которой полыхали угли.

– Тяжелый-то какой, елки-палки, – пробормотал он по пути к компостной куче.

Накреньял бадью, сливая жидкость, все ниже и ниже, пока вместе с мутной бульонной водой на землю не шлепнулась добрая половина слипшегося теста. Люша с Севой глупо застыли над злополучным блюдом, сваленным в компост поблизости от подгнивших картофельных очисток и яичной скорлупы.

– Может, время признать поражение? – философски предложил Сева.

Люша затрясла головой:

– Ни за что!

Присела и принялась, чертыхаясь, собирать руками скользкие разбухшие макароны в ошметках тушенки обратно в котел. Она готова была разрыдаться: позорище, оставить экспедицию без обеда, так подвести Стерха... Видя, как Люша расстроилась, Сева щепотью подцепил из компоста склизкий комок.

– А знаешь, вкусно! – давясь, заверил с набитым ртом.

Естественно, это была ложь во спасение. Никто из загорелых ясноглазых ребят и их научных руководителей, собравшихся вскоре на летней кухне за крепким, грубо сколоченным столом, подобного великодушия не проявил. Но экспедиционный народ незлобивый, а что важнее, бывалый. Ругаться на разваренные макароны не стали. Посмеялись зато от души. По счастью, днем раньше археологи спускались в баню, заодно закупились в нижнем поселке кто чем – бордовыми снизками чурчхелы, свежиспеченными пирогами,

черемшой, дырчатым осетинским сыром. Устроили вскладчину спонтанную пирушку, даже мосластый Мяу-Ляу вложилась горстью клейких орехов из своей заляпанной медом банки. Так что не пропали.

А Люша, потерпев кулинарное фиаско, поджала хвост. Помирилась с Верой и под ее руководством к концу поездки научилась лучше всех готовить макароны.

После того памятного путешествия в Кударские пещеры в Люшины студенческие годы случилось еще немало экспедиций по советским республикам – Армении, Молдавии, Узбекистану, – да всего и не упомнишь. Но именно с Осетией Люша связывала основные исследовательские планы и собиралась писать кандидатскую о стоянках архантропов Центрального Кавказа.

Поступила она, как и следовало ожидать, на истфак, туда же, куда и Вера. С отличием окончила, совместив антропологическую специальность с археологической, первой среди ровесников получила открытый лист с правом производства разведки. Снискала на курсе уважение и затаенную зависть (ее способность находить ценнейшие ископаемые останки считали фартом). В дополнение к Стерху обзавелась еще полудюжиной наставников, престарелых ревматических профессоров, которых подпитывала кипучая энергия Люши, мчавшая ее в большую науку на сверхскоростях.

Но незадолго до запланированной подачи документов в аспирантуру Люшина судьба совершила непредвиденный вираж. Светочка Стрельцова, выросшая наливной хохотушкой с герценовским дипломом, в ту пору выгуливала по Ленинграду группы иностранцев. Пользуясь ситуацией, искала себе заграничного мужа (к слову, без заметных успехов), хитростью проводила старых друзей на обеды в «Асторию» и всю промышленную импортную косметику.

Как-то Свете в подопечные досталась симпатичная пара из Франции. Переводческие услуги им были без надобности: коренастый кинематографист Эмиль, чудаковатый сын русского эмигранта, сносно владел языком. На третий день, нагулявшись по достопримечательностям, Эмиль изъявил желание узнать, какие фильмы нынче снимают в Советском Союзе. Подключив всемогущий аппарат «Интуриста» и кое-какие связи, Света снабдила его пригласительными на премьеру подающего надежды ленинградского режиссера. Супруга Эмиля Аньес, снулая уроженка Тулона,

у которой с самого приезда в Россию кошмарно, с багровыми всполохами, болела голова, от культурной программы наотрез отказалась. Лишний билет Света предложила Люше.

Премьера проходила сентябрьским вечером в кинотеатре «Аврора» на Невском, напротив Дворца пионеров. Туго накрученная плойкой и утянутая в нужных местах под зеленым велюровым платьем Света встретила Люшу на полукруглых ступеньках перед входом, у ниши с псевдоантичной гипсовой Венерой. Рядом в сером, рыбьего оттенка костюме и пижонистых ботинках с пряжками переминался невысокий импозантный Эмиль, чей журчащий акцент Люша сочла уморительным.

Воздух в переполненном фойе был спертый, налитый сигаретным дымом, запахом трехзвездочного коньяка и тяжелым парфюмом. Зрители галдели и толкались, где-то близко щелкали затворы фотоаппаратов. На Люшу накатила дурнота. Сжался желудок, зачастил пульс, к горлу подступил плотный удушливый ком. Она поглядела по сторонам, не пробиться ли к выходу, на улицу, или хотя бы в туалет – плеснуть в лицо водой, и бог с ней, с тушью, но тут двери кинозала раскрылись.

Втроем пробрались к своим сиденьям в шестом ряду. Эмиль лучился в предвкушении показа и с упоением втолковывал что-то Светке, которая ошибочно принимала его синефильский пыл на собственный счет. Люшу по-прежнему слегка мутило. Всю торжественную часть она просидела, глубоко дыша, с полузакрытыми глазами и почти не увидела, как режиссер Сазонов представлял картину вместе с творческой группой. И только когда погас свет и на экране в скрещенных лучах прожекторов возник ленфильмовский Медный всадник, Люша окончательно пришла в себя.

С первых сцен она узнала осетинские пейзажи: речную излучину на дне ущелья, хрупкие домики-скорлупки с окнами в полстены, глиняный тандыр. Люшу охватила мгновенная ностальгия, пускай трагикомический сюжет про учителя, по воле случая попавшего из Ленинграда в захолустье, мало переключался с ее экспедиционной жизнью. Как, как сумели они с такой бережной, поэтической точностью передать душу того укромного места?

Гипнотическое получилось кино. Цельное, пронзительное. Цветные кадры в нем чередовались с черно-белыми, инструментальная музыка мешалась с гортанным шумом горного потока, бляением овец и низким монотонным пением.

Пока шли титры, зал аплодировал стоя. С первого ряда темным силуэтом на фоне экрана поднялся режиссер и, чуть поклонившись, жестом поблагодарил публику.

– А теперь главное, – сообщила довольная Светка Эмилю, на гладко выбритых щеках которого лоснились влажные дорожки. – Прием! Не всем, между прочим, положен. Только стараниями вашей покорной...

На пьянку действительно пускали лишь избранных, однако и этих было достаточно, чтобы заполнить буфет. Света, поработав локтями, немедленно пробуравилась к бутербродам с икоркой. Эмиль изящно подцепил ломтик слезливого сыра и без видимого удовольствия съел. Зато слабосоленая красная рыба пришлась иностранцу по вкусу.

А Люше, как говорят в таких случаях, кусок в горло не лез. Перед глазами сменялись кадры, но на сей раз не просто знакомые виды, а детали – правдивые, беспощадные, – на которые Люша прежде не обращала внимания. Тоска на лице старого осетина, отдавшего здоровье обогатительной фабрике. Обветшалая сельская школа. Поросшее дикой травой урочище с покосившимся крестом. Скалистые пики, взятые с особого, непривычного ракурса.

Внезапно откуда-то из толпы вынырнула Светка с бокалом.

– Представляешь, Эмиль сам пошел знакомиться с Сазоновым, – зашептала намасленными губами, – он вроде как координатор с какого-то кинофестиваля. – Светка потянула Люшу за локоть. – Давай-давай, интересно же.

Эмиль, бурно жестикулируя, беседовал с высоким плечистым мужчиной. Рядом с ним француз казался совершенным колобком. Заметив Свету, энергично помахал:

– Всеволод, позвольте, мои ленинградские д’узя – Светлана и... – Эмиль запнулся и сконфуженно посмотрел на Люшу, не совсем понимая, как придать этому странному имени полную форму.

– Галина. – Она протянула руку режиссеру и застыла.

Он тоже замер, всего на миг, а затем пожал ее ладонь.

– Галина... Что ж, очень приятно. Хорошо, что здесь нет макарон, правда? Одни бутерброды, – подмигнул Люше возмужавший Сева.

Сколько лет миновало с того неудачного дежурства, кажется, десять? А какая у них с Севой

разница в возрасте? Тоже десять. Студенческая полноватость обернулась для Севы взрослым брюшком, которое, впрочем, ему даже шло. Одет он был, несмотря на премьеру, просто, без галстука, в черную рубашку с вареными джинсами и кожаную куртку. На щеках и подбородке синела вечерняя щетина. Надбровные дуги жесткие, на лбу – две глубокие строгие складки, точно он постоянно хмурится. И уголки карих глаз за очками грустно опущены. Но по бокам – мелкие лукавые морщинки. И улыбается обаятельно, с хитрецой.

Всеволод, весь день пребывавший в мыле и дыму премьеры, Люшу узнал моментально. Память на лица у него в принципе была по-режиссерски отменной. А уж острые черты взбалмошной девчонки, ради которой он съел с земли макароны, всплыли сразу. Но едва пробудившая в горах Кударо симпатия по очевидным причинам даже в мыслях не получила развития. Мешал Люшин тогдашний возраст, а точнее, казавшаяся непреодолимой пропасть лет между ними. Не говоря о том, что до конца экспедиции она упорно избегала Севу: отворачивалась, задирала нос. Ну, он и не настаивал на общении. Уехал и забыл, откуда взялся тонкий шрам в основании правого большого пальца. Не вспоминал и когда вернулся в те места со съемочной группой. А тут, в прокуренном буфете «Авроры», в сутолоке, вспомнил.

На первый взгляд, они были не слишком-то похожи, эти двое. Люша вскакивала в семь утра, часу примерно на пятом Севиного сна. Она искала истину в твердой земле, он – в тех туманных зыбях, где обитают идеи. Закаленная в экспедициях Люша умела обходиться малым. Сева, раблезианец и жизнелюб, не отказывал себе в удовольствиях – например, подлакировать водочку коньячком под свежую байку в теплой компании.

Но оба с детства любили собак и одинаково легко относились к деньгам. Оба были импульсивны и патологически азартны; хитроумные партии в преферанс нередко обрывались посередине, оттого что тузы, короли и десятки трепетными бабочками разлетались с балкона. И оба – отходчивы в той равной мере, чтобы понимать: примирения требуют в два раза больше страсти, чем ссоры. Хотя, может, и это на самом деле не имело значения... Никому не ведомо, как возникает синхронность душ, вспышки ослепительного счастья, в которых исчезает время.

Под воздействием мощных высоковольтных токов Всеволод в январе восемьдесят девято-

го развелся с первой женой-артисткой, нервной блондинкой с серыми глазами холодного стекла, и через месяц Люша вышла за него замуж. А в апреле того же года она получила письмо из Академии наук Грузинской ССР, повергшее ее в гнев. Решением археологической комиссии Люше отказали в выдаче открытого листа, позволявшего вести раскопки в Юго-Осетии, – за два месяца до предполагаемой экспедиции в Кударо.

– Нет, ты не понимаешь, – с жаром объясняла Люша Севе, бегая по квартире, – вся моя кандидатская строится на кударском материале! А они хотят отрезать наших археологов от юго-осетинских стоянок и копать самостоятельно. И на уже найденное давно глаз положили.

Она судорожно собирала обоих в дорогу. Сновала между распахнутыми шкапами, кидала выдернутые за шкурку вещи то в Севин чемодан, то в свою пузатую сумку болгарской кожи.

– Люшенька, я понимаю, – сочувственно отвечал Сева, протирая очки кромкой рубашки. – Но что толку срываться в Тбилиси? Что ты им скажешь? Были ли вообще случаи, когда комиссия меняла решение? Это бюрократическая процедура, сама же мне когда-то говорила.

Люша остановилась посреди комнаты, комкая в руках ангорский свитер.

– Если понадобится, до членов президиума дойду, – фыркнула, – лично им все растолкую, и про цель, и про задачи полевых работ...

Всеволод не сдержал улыбку. И правда ведь, дойдет. Тихо проглотить отказ – не в Люшином характере. Как взбредет в голову что-то, вынь да выложь. И, пожалуй, она вполне способна создать прецедент.

Но это не делало затею жены менее безумной. У Всеволода, с его обширной киношной сетью знакомств, имелись хорошие друзья и среди грузин, и среди осетин, и среди абхазов. В последнее время до него все чаще с разных сторон долетали думы конфликтов, разгоравшихся на почве глубоких межэтнических противоречий. А у коллег с «Грузия-фильма» нет-нет да и проскакивала в желчных репликах антисоветская идея, мол, оставьте нас, сами разберемся... Сложные, сложные вопросы. Ясно одно – в республике сегодня, мягко скажем, неспокойно.

Он даже хотел аккуратно предложить Люше поменять тему кандидатской, благо у нее написана только первая глава с обзором литературы, да смысл? Упрямая девчонка только раззадорится. Сделает наоборот. Такая вот она... наоборотливая.

- Послушай, давай я хоть Гие позвоню, чтобы он тебя встретил, разместил, – предложил Сева.
- Господь с тобой, не надо никого напрягать на ночь глядя! – воскликнула Люша. – С самолета сразу такси в «Иверию» возьму, гостиница от института археологии через дорогу.

И запихнула нежный свитер поглубже в сумку. Хотя Всеволод не очень удивился бы, обнаружив его по прибытии в Тулон у себя в чемодане. С Люши случилось бы в ажитации перепутать. Ухмыльнулся, но мысли о грядущем фестивале привели его на тонкий лед. И Всеволод провалялся: подумал о конкурсе, о том, возьмет новый фильм приз или нет... Как жаль, как несправедливо, что Люша с ним не летит. И визу дали, а тут этот чертов открытый лист... Едкой кляксой стала расплзаться обида. Ну чего ей не повременить с Грузией? А ему как быть? Не силком же Люшу с собой тащить, в самом деле. Не найдя решения, Всеволод промолчал.

Готового плана действий в Тбилиси у Люши не было и за пять часов полета не появилось. На месте разберется – не лыком шита. Уже не одного академика прогнула, чем председатель комиссии, этот профессор Беридзе лучше? Пробыться в его кабинет, а там – речь экспромтом, заготовки всегда искусственны. Но в самолете ее изводила тревога о судьбе экспедиции, а пуще того, о Севе. Как он, хорошо ли долетел, устроился? Волнуется наверняка. Все же неправильно она поступила, не поехав с ним, могла в конце концов несколько дней потерпеть, отложить штурм грузинской академии наук... Утром надо будет обязательно добежать до почты, позвонить, решила она.

Тбилиси встретил ее темной вечерней прохладой. Покинув аэровокзал, Люша направилась напрямик к группке таксистов на площади. Те оживились, разулыбались из-под черных усов, но, услышав, что ей нужно к «Иверии», замахали руками.

- Что ты, красавица, там же оцеплено все. – Потешный упитанный усач помотал головой в приплюснутой клетчатой кепке.
- А что случилось? – не поняла Люша.
- У Дома правительства митинг, пятый день уже. Гамсахурдия выступает, – веско сообщил другой, дубленный и морщинистый. – Баррикады построили. По Руставели не проехать.
- А в объезд? Ну или хотя бы до оцепления, дальше сама обойду, – напирала Люша.

Водители топтались, переглядываясь. Люша шумно выдохнула. Надо было послушать Севу на-

счет Гии... И неизвестно, что ей досадило больше: то, что она не могла после долгого, с двумя дозаправками, полета без проволочек добраться до отеля или то, что Сева в конечном счете оказался прав. Но очень уж Люше не хотелось подвергаться всем, несомненно приятным, да вот только по-своему изнурительным ритуалам грузинского гостеприимства. Завтра ей нужна свежая голова.

- Девушка, вам в центр? – послышался из-за спины хриловатый басок.

На нее пристально смотрел молодой губастый таксист. Люша кивнула.

- А вы журналистка, да? – спросил он, почесывая шерстяную бородку.

Вопрос озадачил, но виду Люша не подала. Если это способ попасть в город, подумаешь, побудет журналисткой.

- Да, – заявила она твердо, – из «Ленинградской правды».

- Поехали. Мне как раз туда.

Сели в бывалую салатовую «Волгу», проворачивая бензином. Пока тряслись по автостраде, водитель, клопоча, погружал Люшу в темные новости: о возмутительном абхазском сходе с предложением выйти из состава Грузии, о голодовке тбилисских студентов у Дома правительства, о вспыхнувшем митинге под руководством лидеров национального движения, который начался с призывов не вмешиваться в дела Закавказья, а вылился в лозунги «Долой коммунизм!».

- Газеты ваши, в Ленинграде, молчат небось. А знаете, знаете, что власти сегодня сделали? – негодовал водитель. – Танки прогнали по улицам! И вертолеты пустили над толпой. Запугать хотят, сволочи! Не дождутся... – Он стукнул волосатым кулачищем по рулю. – Я вот наоборот из-за этого решил, поеду. Танков не боялся и не буду!

Только потому меня и взял, сообразила Люша, что хочет огласки. Яростный монолог таксиста она с интуитивным благоразумием (абсолютно ей, надо заметить, не свойственным) почти не прерывала. Разве что для поддержания легенды время от времени задавала уточняющие вопросы. Известное дело, даже в компанейской атмосфере экспедиций абхазы с грузинами за один стол не садились.

Спустя минут десять водитель припарковал машину у небольшого, по-весеннему взбухшего сквера.

- А как в «Иверию» отсюда пройти? – напоследок спросила Люша.

Таксист смерил ее недоверчивым взглядом из-под густых сросшихся бровей.

- Зачем в «Иверию»? Протест там!
- Да мне вещи в гостинице оставить, пленки запасные, а то вдруг отнимут, – вывернулась Люша.
- А-а-а. Вам туда, прямо по Дзnelадзе, минут через пятнадцать упретесь в гостиницу, – буркнул он.

Сам запер машину и встроился в колонну демонстрантов, шагавших вверх по крутой, тускло освещенной улице к проспекту Руставели.

Люша перехватила сумку и пошла в указанном направлении. Моросило. Асфальт казался гладкой рекой. Влажный безветренный воздух гудел, словно за углом, прямо на центральной площади, ревел футбольный стадион. Неразборчиво орал по-грузински жесткий мужской голос, многократно усиленный мегафоном. Изредка сквозь гвалт резался высокий свист или нервный наигрыш скрипки.

Ни с того ни с сего Люше вздумалось посмотреть на митинг. Она свернула налево и через двести метров уперлась в заграждение – стоявший поперек дороги грузовик с песком. Заглянула в зазор между его смрадной угловатой мордой и цоколем облицованного мрамором сталинского дома. Люша отродясь не видела такой огромной толпы. Плотная, пестрая, она шевелилась, рокотала, ворочалась в каменном ложе площади. Над кипящей человеческой кашей ряли флаги – кизилово-красные полотнища с черно-белым полосатым крыжом. Происходящее плохо укладывалось у Люши в голове – грузины требовали независимости, но сами не допускали свободы других народов, навязывали им свой язык...

Она вернулась, минуя грузное серое здание, кажется, библиотеки, на улицу, параллельную Руставели. Быстрым шагом добралась до гостиницы, остекленной высотки, из-за балконов напоминавшей гигантскую терку. Получила ключ из рук черноокой девушки за полированной стойкой (та вместо приветствия встревоженно спросила: «Как там? Народу прибывает?»), поднялась на десятый этаж. Номер Люше дали просторный, с тяжелой кроватью и грубо тканным серым ковром на полу. С узкого балкона частично просматривался проспект.

Всю ночь на улице не смолкали крики. Заснуть Люше не удалось: вертелась на слишком мягком матрасе, переживала о Севином фильме. Некуда было деваться от нарастающего чувства вины.

А в начале пятого утра с площади взрывной волной прокатился невообразимый шум. Люшу вытряхнуло из постели. Она скинула измятое одеяло, набросила на ночнушку пальто. Вылезла на балкон и остолбенела.

По улице бежали сотни. Стремительный поток, безудержный человеческий сель оглушительными валами сходил с площади. Демонстранты кричали, толкались, падали на проезжую часть, поднимались и снова бежали, будто обезумевшая дичь спасалась от лесного пожара. Но почему? И от кого? Присмотревшись, Люша заметила, что в однородной толпе мельтешат одинаковые пятна, рыжие на темном: то блестели в свете ночных фонарей круглые солдатские каски... И вокруг каждой – людские завихрения, очаги неравной борьбы. Подробности Люша с высоты разглядеть не могла, но и от этой нечеткой картины ее бросило в жар. Ворот ночнушки взмок, в висках застучало, занемели пальцы. Даже на безопасном балконе Люшу подстегивал древний стайный инстинкт: бежать, скорее, скорее!

Выплеснувшись беспорядочной массой, толпа между тем зримо редела, растекалась по переулкам. Кто-то еще метался по разоренному проспекту, кто-то двигался ползком за кустами. Кого-то, страшно тряпичного, втроем несли на руках. Медленно протащилась скорая, завывая сиреной. Один из носильщиков бросил ноги своего безвольного груза и ринулся следом. Догнал, заколотил по кузову – безуспешно. Должно быть, полная, с содроганием подумала Люша.

А потом увидела, что на тротуаре среди мусора и рваных транспарантов недвижно лежит тщедушная черно-белая фигурка. Упавшую девушку не замечали – ее скрывал высокий парапет пешеходного перехода. Люша с замиранием сердца ждала минуту, две, три, потом закричала, но голос сорвался в хрип, да и на этом пяточке уже было почти безлюдно. Тогда она наспех перетянула пальто поясом и, теряя туфли, помчалась из номера к лифту.

Гостиничный вестибюль походил на лазарет. Люди сидели и лежали на плоских бордовых диванчиках: порванные брюки, ссаженные колени, грязные платья, измазанные кровью носы. Человек двадцать, женщины и мужчины, молодые и старые. У стойки регистрации скрючился, стиснув непокрытую голову, милиционер. Между ними носилась с аптечкой бледная взъерошенная администраторша. Поймав ее черный беспомощный взгляд, Люша на секунду задержалась и виновато

развела руками, после чего кинулась к стеклянным дверям, напрямик к распростертой на асфальте девушке.

На улице было поразительно тихо, как после горного камнепада. Приторно пахло чем-то сладким, цветочным, то ли черемухой, то ли жасмином. От этого невинного аромата у Люши стянуло глотку, зачесались, как от аллергии, глаза и выступили едкие слезы. Повсюду валялись затоптанные сумки, разносортная сиротливая обувь и полосы полиэтилена, которыми, вероятно, на площади укрывались от дождя. Люша споткнулась – ей под ноги попала разбитая скрипка. А рядом обнаружилась длинная резиновая палка, без сомнений, часть воинской экипировки. Неужели били людей, как скот? Дико, невысказанно, не пошли же демонстранты штурмовать Дом правительства...

Девушка – лет двадцать, черная копна волос, белая курточка из плашовки, синее платье в меленький горошек – полубессознательно лепетала что-то на грузинском. Узкое лицо сильно опухло и покраснело, кожа, казалось, вот-вот лопнет. На трогательном кружевном воротничке темнела кровь, натекая из разбитой губы. В остальном каких-либо заметных увечий Люша у девушки не нашла, руки и ноги целы.

Люша, присев на корточки, тормозила бедняжку за плечи и вдруг услышала щелчки. Обернулась – в трех метрах стоял поджарый мужчинок с фотокамерой, ремешок ее туго перетягивал ладонь. Люша рывкнула: «Что снимаешь, помоги!» В носу опять защипало, зрение помутилось. Она потерла кулаками веки, взгляделась – а мужчинок и след простыл. Побежал дальше, за следующим кадром своего хладнокровного репортажа.

Девушка тем временем более-менее пришла в себя. Открыла воспаленные, кровянистые глаза, приподнялась, постанывая на локтях. Проямлила на русском:

- Теснили нас с площади, четыре бронемшины, а за ними цепи из военных... митинг мирный... мы студенты...
- Тихе-тихе, давай мы тебя поднимем, – сказала Люша, подставляя ей плечо.

Невесомая на вид девчушка оказалась удивительно тяжелой. Пока ковыляли до гостиницы, она продолжала неразборчиво бормотать – про солдат, про какие-то лопаты. За время, что Люша провела с ней на тротуаре, на стоянке перед отелем чудом появилась скорая. Две вспаренные немолодые медички с вытарашенными глазами подхватили студентку. Люша побежала внутрь

здания. Любой экспедиционный человек знает, как промыть рану и перебинтовать конечность, да только кто бы мог подумать, для чего ей пригодятся навыки первой помощи этой чудовищной апрельской ночью...

Спать она так и не легла. Опустошенная, зашла через несколько часов к себе в номер. Ополоснула ледяной водой горевшие щеки. Уставилась в зеркало: на скулах зацвел нездоровый багряный румянец, веки набрякли, пониже образовались тяжкие мешки. Люша машинально взяла помадный тюбик, лежавший у раковины, нарисовала зачем-то обветренные губы. Жирный розовый пигмент некрасиво забивался в трещинки. Она взяла неразобранную сумку и выписалась из гостиницы – на сутки раньше оплаченного срока. Даже переодеваться не стала.

Весеннее утро выдалось особой пасхальной прелести, хотя до Пасхи оставалась еще пара недель – чистой голубизны небо, едва брызнувшие молодой зеленью платаны, желтенькая клейкая шелуха почек на мостовой. Центр по-прежнему был перекрыт. Группами по пять-шесть человек стояли военные. По солнечным улицам под безжалостный звон колоколов церкви Кашвети бродили прохожие. На всю жизнь Люша запомнит их скорбные, будто из мраморного высеченные лица; взгляды, полные гнева и горестного недоумения. Не понимая, куда идти, она отправилась единственно знакомым путем – к тому месту, где вчерашним вечером ее высадил водитель салатовой «Волги» – только сунуться на проспект Руставели уже не решилась.

Такси поймалось на удивление легко. Люша попросила отвезти ее в аэропорт, в прострации рухнула на заднее сиденье. Сомнамбулой доплелась до касс, купила втридорога билет до Ленинграда. Очнувшись, лишь когда объявили посадку. Пока поднималась по трапу в самолет, в голове бились, связываясь в тугий болезненный узел, три мысли. Первая – что кударская экспедиция не состоится, ни сейчас, ни через год. Вторая – что отныне она будет ездить с Сеовой на все фестивали. Третья, не столь оформленная, как две другие, скорее была фатальным предощущением: из-за чьих-то непоправимых начальственных решений незыблемый советский мир сегодня дал уродливую трещину, которая неотвратимо приведет к распаду.

Как известно, Люша не ошиблась. Экспедиции в Кударо прекратились на долгие годы. Новую

тому она так и не выбрала, учеба в аспирантуре как-то сама собой заглохла. Денег у университета после развала Союза стало на порядок меньше, настроения на кафедре витали упаднические. Доценты, чтобы прокормиться, возделывали огороды, аспиранты шли в посудомойки, кто посметливее, становились за прилавки. Словом, выкручивались.

С искусством в начале девяностых обстояло не лучше, чем с наукой. Госфинансирование сильно, сильно оскудело. Но Сева был талантлив и маниакально работоспособен, хорошо укладывался в сроки и успел приобрести репутацию безукоризненного производственника. Вдобавок ему, одному из немногих, везло. Скромный Тулонский фестиваль принес Севе первую важную награду, за которой последовали другие, золотые в прямом и переносном смысле. Его проекты снимались на деньги Франции (по программе помощи кинематографистам из Восточной Европы), а когда средств не хватало, выручали частные инвесторы. Коммерсанты жаждали «поиграться в кино» и щедро спонсировали все подряд, правда, порой встречали в процесс со своими, прямо скажем, сомнительными требованиями – например, ввести в сценарий удалого парня с рельефными мышцами и навыками рукопашного боя... Зато идеологическое давление ослабло, радовался Сева. Можно экспериментировать.

Люше случалось бывать с супругом на «Ленфильме». Нравилось наблюдать, как он ведет себя на площадке, спокойно и деловито. Громогласный, с актерами Всеволод разговаривал тихо, почти ласково, добивался выверенности каждого жеста и взгляда. Замечание – всегда с похвалой. Со съемочной группой он общался иначе: лаконично и четко. Больше думал, чем говорил, – не потому, что жалел фраз, а оттого, что знал вред лишних слов, которые, нарастая коростой на шестеренках производственного процесса, рано или поздно стопорили эту сложную киношную машинерию.

Как-то незаметно Люша там прижилась. На съемках есть чем заняться, если быстро соображаешь и не путаешься под ногами. И Люша, светлая голова, врубалась, да еще как: то о ценном реквизите договорится невзначай на перекуре у соседнего павильона, то весь город прочешет в поисках ужасно редкой и позарез нужной оператору лампочки, без которой не воплотить режиссерского замысла, то выхватит в последний момент из кадра забытый актером сценарий.

Вне съемок в их тесноватую «двушку» на Васильевском набивались киношники, а с ними – оголтелые поэты, музыканты и прочий творческий контингент. Небольшая квартирка тряслась, как мексиканский маракас, а в гуще веселья царил хлебосольный Сева, которого все они обожали. Его вообще легко было любить – такого живого, открытого, чуткого к чужому таланту.

Да вот напасть – этот самый творческий контингент надо было кормить. Деньги-то имелись, а в магазинах – пустые полки. Чтобы хоть как-то накрыть три сдвинутых вместе стола, Люша бежала по очередям, выменивала сахарные талоны на сырные, закупала на стихийных рынках мерзлые куриные окорока; в духовке жирные «ножки Буша» становились ватными на вкус, но под водку шли превосходно. Постигла женскую науку закрутки (соления создавали видимость разнообразия закусок). Овладела и мужской – разводить в правильных пропорциях и настаивать на тимьяне и лимоне спирт «Рояль». Даже пресное печенье навострилась печь из детской смеси «Малыш», единственного продукта, никогда не исчезавшего с прилавков. Завела дружбу с грузчиком Елисеевского магазина и кудрявой буфетчицей из котлетной на Невском. Та мечтала сниматься в кино и вместе с пятью килограммами сосисок всякий раз настойчиво передавала Всеволоду Константиновичу, поигрывая янтарными бусиками, кокетливый привет.

В ежедневной круговерти Люша не переставала думать о науке. При случае просматривала изрядно поредевшие публикации по антропологии и археологии, выспрашивала новости академического мира у недавно защитившейся Веры Стерх. «Сделаю паузу, пережду несколько лет, пока в стране не устаканится... А как наладится, и дела в университете пойдут, возобновлю», – так отвечала Люша, когда подруга интересовалась ее планами.

В девяносто четвертом Всеволод вместе с независимой студией затеял большие натурные съемки. Сценарий – его собственный, личный вариант «Буранного полустанка» Айтматова. Работали экономии ради не в Казахстане, а на Алтае, в Кулундинской степи, примерно в семи часах езды на юго-запад от Барнаула. Засушливый край беспредельных трав; во время нечастых дождей казалось, что влага здесь испаряется прежде, чем успевает коснуться встрепанных метелок седого ковыля и узких листов пырея, оставлявших на неосторожной ладони гугучие глубокие порезы.

Люша, следуя данному себе зарок, сопровождала Севу. Но, сказать откровенно, ее подзуживала шkodная мыслишка при первой возможности слинять. Люша вызнала, что в ста километрах от киноплощадки, у полевой дороги вдоль края речной террасы, копали древние поселения: три полуземляночных жилища, всякие фрагменты обожженной глины, осколки костей животных и кусочки керамического шлака эпохи бронзы. Позднати́на, конечно, не палеолит, да за неимением лучшего сойдет. Съездить, познакомиться, а там и примкнуть к экспедиции – просто так, без оплаты. Чем черт не шутит.

Но возможность удрать на раскоп все никак не подворачивалась. Шел второй месяц съемок, а Всеволод едва закончил десяток сцен. Жара стояла немилосердная. Иссушенный воздух драл горло, как песок. Аппаратура перегревалась, густо загримированные лица актеров к полудню напоминали плавленные циферблаты с полотна Сальвадора Дали. Скверно выдрессированная лисица по кличке Снить, арендованная для фильма с Тальменской зверофермы, забивалась в угол клетки и тяжело дышала, вывалив из узкой пасти шершавый язычок.

Несмотря на зной, Всеволод был неумолим и как никогда требователен. Переделывал дубль за дублем, на ходу менял концепцию, доводил артистов до изнеможения репетициями, коротко переругивался с оператором об изобразительной плотности материала. Третировал художника-постановщика: чтобы превратить заросшие зеленым разнотравьем поля в мертвенную сарозекскую сушь и великие пустыни, заставлял вручную красить сорные злаки в иссера-желтый, кое-где нещадно выкашивать и выпалывать целые сотки до растрескавшейся, вздыбленной почвы. «А здесь зачем лишнего убрали? – гаркал потом Всеволод. – Нужны клочки, клочки!» И декораторы, сдавленно матерясь, пересаживали дерн обратно...

Дураку понятно: что-то у режиссера не клеилось. И после того как половина съемочной группы не без усилий уняла очередную истерику перегревшейся артистки Каплан, которая, выпустив пар, распласталась под парусиновым навесом, Люша вознамерилась выяснить у мужа, в чем дело.

Сева уже час как застрял у себя в вагончике, служившем одновременно кабинетом и комнатой отдыха. Склонился, сощурившись, с незажженной сигаретой в зубах над разбросанными по столу раскадровками.

– У тебя новый режиссерский метод? Заморить актеров, чтобы они достовернее играли несчастных степняков? – шутливо поинтересовалась Люша.

Всеволод выдернул изо рта сигарету и принался разминать ее в пальцах, соря табаком.

– Можно сказать и так, – отстраненно произнес он, снова закусил фильтр и уставился в документы.

Люша поискала глазами зажигалку. Нашла в пыли под столом, рядом с раздавленной пачкой «Винстона».

– Сев, что случилось? – шоркнула колесиком и поднесла прозрачный огонек к кончику полупустой сигареты.

Бумага затлела и слиплась, супруг втянул сквозь зубы кислую гарь.

– Все нормально, – насупился. – Работаем.

– Ну брось, я же вижу, – не выдержала Люша, – я знаю, как ты обычно работаешь. Не так. Что-то не по плану?

– План, как же... Планы – это чушь! – Сева резко смел со стола раскадровки. – Нельзя просто начертить план и сделать фильм. Так не работает! – крикнул он в сердцах. – Кино рождается буквально на ощупь, в контакте с живой материей. А тут нет контакта, хоть ты тресни! Зашагал из угла в угол по вагончику, который как будто чуть кренился от его косолапой поступи.

– Но ты ведь очень точен по отношению к литературной основе, – возразила Люша, – до последней травинки.

– Надо следовать не букве, но духу и образу! Андрей Арсеньевич так говорил. Что художественно значимого в том, что я тупо воспроизведу айтматовские степи и поезда? – вскричал Всеволод. – Это фильм о памяти, а не о траве! Мне надо создать в кадре такое место, в котором растворятся пределы пространства и времени. Постоянство памяти!

Люша посмотрела в мутное окошко. На занозистой деревянной раме горсткой несъедобного изюма валялись дохлые мухи. За треснутым стеклом расстилалась истерзанная декораторами степь. Высилась насыпная гряда со ржавой тупиковой веткой железной дороги, по которой в условленные дни прогоняли туда-сюда громахающий эшелон с ближайшей станции. Люша пожал плечами:

– А по-моему, то, что все-таки удалось отснять, весьма неплохо вышло. Мы же смотрели контрольные отпечатки.

– Родная, извини, а ты что, режиссер? Я что-то пропустил? – взвился Сева. В раздражении кинул тлеющий фильтр на пол и придавил подошвой сандалии. – С какой стати судишь? Знаешь, как надо?

– Нет! – уязвлено ответила Люша. – Но и ты, видно, не знаешь. Можешь только от творческого бессилия людей до теплового удара доводить! – бросила она с вызовом и выскочила, шарахнув фанерной дверкой об косяк.

Дурак. Нет, гений, безусловно. Но ей-богу, такой дурак!

Вздывая облачка пыли, похожие на сухую горчицу, она пронеслась мимо широкогрудого мотоцикла с гнилой коляской, спасенного реквизиторами из металлолома. Скользнула в проход между сбитыми на скорую руку щитовыми домиками с двускатными шиферными крышами. Миновала хлипкие загородки из спрессованных камышовых стеблей и бутафорскую будку стрелочника Буранного Едигея. Сдернула из тени корявого вяза-карагача одного из подсобных, чье непроницаемое имя Ырystу кто-то из актрис переименовал в Ириску (а он и не возражал). Низкорослый и выносливый, будто из породы вьючных лошадей, малограмотный алтаец с далеких берегов бирюзовой Катуня занимался тем, что монтировал декорации и несколько раз на дню гонял резвую «Ниву» до ближайшего сельпо.

– Реку Бурлу знаешь? – нависла над ним Люша. – Там стоянка есть, где копают...

Ириска обрадованно закивал, жмуря раскосые глаза и улыбаясь сразу всеми крупными, лезущими друг на дружку зубами.

– Вези! – распорядилась Люша.

Тот и повез. Маршрута она не знала, положила на алтайца. Пока машина, словно шальная консервная банка, подпрыгивала на буераках, Люша пялилась невидящим взглядом в чалую степь и мысленно продолжала ругаться с мужем. Ну как ругаться... По крайней мере, она теперь представляла, что происходит, откуда у него столько претензий к оператору, к актерам. Не их он распекает по факту, а себя самого – за провал воображения. А искать неведомо как и где другую локацию, переснимать, когда столько денег уже потратили, – значит вылезать за бюджет и срывать сроки. Для Севы это неприемлемо. Да и не в локацию, положив руку на сердце, дело, а в некоем подспудном изъяне, скрытой червоточине замысла...

– Приехали. – Ириска свернул с колеи и остановил «Ниву» на каменистой возвышенности.

Люша вылезла из машины. Перед ней простиралась длинная полоса желто-бурой земли с нечесаными космами сухостоя. Дальше тянулся сизый глинистый берег, прошитый на горизонте необычной розоватой каймой. Мерно цвиркали насекомые. Оглядевшись, Люша не выявила признаков археологического раскопа: ни палаток, ни рыхлых слоистых отвалов. На востоке за бетонным забором угрюмым миражом маячила пара блеклых построек явно промышленного назначения. Люша нагнулась к водителскому окну.

– Ириска, ты куда меня, Сусанин, привез?

Широкая и уплощенная физиономия Ырystу (алтае-саянский антропологический тип, невольно подметила Люша) выражала неуместную гордость.

– Бурлинское озеро! Соль копают. Красиво.

Люша рассердилась:

– Какая, к черту, соль? Мне Бурла нужна, это река, а не озеро! А там археологические раскопки! Ну что ты лыбишься и руками разводишь? Блин.

Она вытерла лоб. Духота... Может, искупаться, коль уж на озере очутилась? Все равно кругом ни души. Хотя, если вода соленая, будет, наверное, только хуже, стянет кожу? Ладно, проверим. Ноги размять тоже нелишне.

Люша велела Ириске подождать ее в машине и отправилась по еле заметной тропинке, вспугивая прытких кузнечиков, на разведку. Вскоре пришлось разуться: кроссовки чавкали в прибрежной глине, обложенной белесым налетом. Но открывшаяся Люше ирреальная картина заставила сначала прибавить шагу, а затем побежать, увязая в теплой грязи и роняя ступни о ломкие корки.

Зеркальная озерная гладь была абсолютно розовой. В этих водах словно растопили нежнейший закат, даром что небо – светлая лазурь, а после полудня миновало от силы два часа. Белая отмель, издали показавшаяся песчаной, состояла отнюдь не из песка. Под ногами влажно скрипела соль.

Не раздумывая, Люша зашла в невероятную марганцовую воду. Разницы температур она не ощутила – озеро, похоже, было неглубоким и легко прогревалось. У берега трепыхались и щекотали лодыжки лохмотья пены. На прогнивших сваях, торчавших из крепкого соляного раствора, мерцали и переливались выветренные мелкие кристаллы. Люша прикоснулась к граненому шероховатому наросту. Лизнула, не удержавшись, палец – горько.

Околдованная сверхъестественным пейзажем, она побрела по твердому, колючему, как шлифо-

вальный камень, дну, которое проступало под тонким слоем ила. Глубже не становилось, мылкая вода плескалась у щиколоток. Чем дальше Люша шла, как сновидица, в розовом мареве, тем меньше чувствовала собственное тело, точно ее человеческий состав и сам постепенно таял и превращался в соль.

Вдруг Люше почудился отзвук железной дороги. Она посмотрела на сушу и не поверила своим глазам. От башен солеварни прямо по воде ехал поезд. Смешной, почти игрушечный паровоз с вагонетками уверенно, как корабль, рассекал розовую рябь. Приблизительно на середине озера он сделал петлю, скрежеща, выкатился на берег и вернулся к комбинату. Как же он держался? Присмотревшись, Люша поняла: на стеклянном дне озера лежали рельсы.

Как они с Ириской добрались до кинолагеря, Люша не помнила. Ворвалась к Севе, но его «кабинет» пустовал – о недавней ссоре свидетельствовала лишь опорожненная коньячная чекушка на столе. Люша обегала съёмочную площадку, проверила времянку, где накрывали обед: разливали из алюминиевых чанов наваристый перловый суп и резали кровяную колбасу. Опросила слонявшийся без дела народ. Оторвала оператора, ловкача с бритым, облупившимся на солнце черепом, от длиннеего съёмочного крана – шестиметрового стального журавля, с которого мастер за отсутствием внятных инструкций примерялся так и эдак панорамировать по степи. Как назло, муж куда-то запропастился.

Через час его, нетрезвого, привез на раздолбанном фургоне другой разнорабочий, жилистый и сухотелый, как будыль. Всеволод в крошечной душевной пасмури валко выкарабкался из машины. Пропала девочка, обидел... Люши не было на турбазе, где они квартировали, не было и на станции. Больше всего Сева боялся, что жена плюнула и уехала в Петербург.

Увидев ее, просветлел.

- Люша, Люшенька, ты здесь... Прости меня, я остолоп... – начал Сева, но она его перебила.
- Как ты говорил, постоянство памяти? Где нет времени и пространства?
- Да, наверное, – обескураженно ответил он.
- Люша схватила его за руку.
- Поехали. Мне нужно срочно тебе кое-что показать.

Розовое озеро привело Севу в восторг. Потрясенный, протрезвевший, шлепал по мелководью, зачерпывал горстью влагу, словно пытался раз-

гадать секрет ее состава, перетирал пальцами белые кристаллики. А стоило материализоваться поезду – натурально схватился за сердце могучей лапой в уже подсохшей солоноватой пыли. Люша испытала несказанное облегчение (она не была до конца уверена, не фата-моргана ли ей на жаре пригрелилась). Впервые за эти месяцы она почувствовала, как в замечательной голове мужа плавит драгоценные образы алхимический тигель. Загнанного Ырысту в который раз послали по тому же маршруту – за художником и оператором.

Итак, теперь Всеволод знал, чего хотел – снять ряд ключевых эпизодов-воспоминаний на озере. К несчастью, в последующие недели это лишь усугубило трения на площадке. Шутка ли, переместить огромный кинолагерь? Да проще муравейник голыми руками через болото перенести! На Люшу, как на главную виновницу переезда, недобро зыркала вся команда, от примы Каплан до третьего помощника осветителя. То и дело кто-нибудь спрашивал – откуда тянуть электричество? Будет ли вода в костюмерных и гримерных? Где строить технические помещения, склады для реквизита? А, простите, отхожие места?

И все же, жалобно скрипнув, маятник качнулся: студийное руководство и продюсерский центр нехотя дали добро, комитет утвердил, порядком урезав, новые сметы, засланные гонцы во главе с Люшей (которая и думать забыла про те раскопки на Бурле) принялись потихоньку прочесывать близлежащий поселок, исследовать инфраструктуру и налаживать связи. Краевые власти выдали разрешение – правда, устное, за одним осторожным «но», предварявшим разрешение письменное. Любые планы прежде предстояло согласовать с господином Канюковым, директором приозерной соледобывающей компании, поставлявшей по всей Сибири два сорта галита, навалом и в мешках.

Канюков слыл человеком грубым, криминального склада – а иных в то время в начальники не пускали. Продюсер Севиной картины, шустрый башковитый мужик, проныра и говорун, после трех неудачных телефонных звонков и одной сорвавшейся встречи встал в позу и заявил, что по фене не ботает и с бандитами общаться более не намерен. Сева в ответ сжал челюсти и замкнулся. Люша, в чьей груди после тбилисских событий по сей день чернела выжженная яма, вновь почувствовала себя так, будто ей отказали в открытом листе.

Терять было нечего. В строжайшем секрете от Севы она попросила помрежа организовать ауди-

енцию с Канюковым и в назначенный час расписалась в регистрационном журнале на проходной «Бурсольпрома». Унылое хозяйство промысла резко контрастировало с сюрреалистической панорамой цветного озера – так нудный звон будильника выдергивает поутру из сна.

За турникетом Люшу встретила секретарша Канюкова и повела пластиковыми служебными коридорами. Девица плавно несла свою выпукло-вогнутую, облитую лайкрой фигуру, словно опасалась уронить затейливое нагромождение локонов с макушки на истертый линолеум.

– Придется подождать, у Романа Игнатьича звонок, – сообщила она, усадив Люшу на одутловатый диван в приемной.

Ожидания Люша не выносила. Ерзала по визгливому дерматиону, чувствуя, как гаснет запал и холодеет желудок, поглядывала то на неопрятную монстеру в шербатым горшке, то на стенные часы, они же безвкусный декор: курчавая позолоченная рама, лесочек в стиле передвижников, а в центр, с позволения сказать, холста вделан красный тикающий циферблат. Невозможный китч. Спустя полчаса лайковая девица обнаружила на стройной капроновой голени предательскую затяжку и, извернувшись, стала с усердием мазюкать стрелку прозрачным лаком для ногтей. Из-за конторской двери побухивали матюги.

– Послушайте, сколько можно? – возмутилась Люша.

Секретарша распрямилась, наморщила покатый, жирно тонированный лоб. Чинно встала, заглянула в кабинет. Попятилась задом – вероятно, чтобы не показывать начальству прыснутую в туфлю стрелку, – и не заметила, как просительница вскочила с дивана. Отодвинув лайковую преграду, Люша без приглашения втиснулась в проем.

За длинным письменным столом, черным и лакированным, как элитный гроб, громоздился матерый мужлан с редяющей каштановой шевелюрой. Кривоносое боксерское лицо было чисто выбрито, надутые плечи распирала зеленый пиджак. Люша самовольно заняла неудобный казенный стул напротив Канюкова, который как ни в чем не бывало смотрел на нее умными острыми глазками. На столе перед ним лежала пластмассовая игрушка, портативное устройство с круглыми желтыми кнопками (Люша видела такие у пацанов на «Ленфильме» – гоняли по экрану «Змейку» и «Тетрис»). Секретарша, судя по хлопку двери за спиной, спешно ретировалась.

– Я насчет фильма, – выпалила Люша.

– А что насчет фильма? – наигранно удивился Канюков. – Вроде мы уже все обсудили с вашим товарищем. Бакланил тут, кидал мне предьявы, понимаешь. Я согласия не даю.

И задрал массивный раздвоенный подбородок. Всем своим безразличным и слегка высокомерным видом он демонстрировал, что дальнейшие переговоры тщетны.

– Но почему?

Канюков потарабанил по столу отечными пальцами с расплывшейся татуированной синькой на фалангах.

– У нас тут, видите ли, промысел. А ваш календарно-постановочный график нарушает наши, гхм, производственные планы. Плюс вам требуется свет, вода в дальняки, а по счетчикам кому платить придется? Зачем мне такие бабки тратить? – риторически спросил он и умолк.

Люша заговорила, как могла, проникновенно – о съемках, о режиссерском замысле, о постоянстве памяти. О том, что искусство длиннее жизни. О том, как фильм может принести краю известность, привлечь туристов. Пока она ораторствовала, Канюков скептически оглядывал ее сверху вниз. Потом перевалился в кресле, дернул ящик стола. Вытащил холщовый мешочек на завязках и маленькую серебряную ложечку.

– Все это прекрасно. Ваше дело снимать кино. А мое вот, – жеманно оттопырив толстомясые мизинцы, потянул веревочные тесемки.

Ну, конечно. Соль.

– Вы знаете, как это место называли? Царская солонка! – патетически возвестил он. – Соль отсюда возили на стол Екатерине. Вода в озере – хлористая рапа плотностью выше, чем у Мертвого моря. В семидесятых триста пятьдесят тыщ тонн добывали в год, не то что сейчас... Да вы попробуйте! Вот это искусство! Мы ее хотим на конкурс в Испанию подать.

Он весь засветился. На сытой уголовной роже разгладились складки. Надо же, с виду сущий бандит, а как за товар радеет. Люша вежливо зачерпнула десертной ложечкой граммилку сыпучего продукта. Соль, она и есть соль.

– Расскажите мне больше о добыче, – попросила Люша.

Канюков с удовольствием принялся разглаживать. Цвет воды, как выяснилось, был загадкой для него самого – то ли водоросли, дескать, то ли рачки. А ездит по озеру вовсе не поезд, а комбайн с барабанным рыхлителем. Очи-

ценные от ила и измельченные соляные пласты автоматически подаются со дна в вагоны («Вместимость – восемнадцать тонн!»). На берегу ископаемый продукт промывают и обогащают, сушат, и прочая, и прочая...

Внезапно Люшу осенило.

– Мы же можем вам помочь! Телевидение! У нас связи! – Это не вполне соответствовало действительности, но Люшу уже несло. – Договоримся, вам рекламу красивую снимут на выгодных условиях. На всю страну пустят! А еще... еще в спонсорах укажем! Вернем былую популярность.

Канюков задумчиво пожевал толстую губу. По-видимому, Люша все же нашла правильный аргумент. Но его было недостаточно. Она подвинула к себе мешочек и снова опустила ложечку в соль.

– Эй, вы это чего? – опешил начальник.

Люша проглотила едкий комочек.

– А соль у вас вкусная... Буду есть, пока не согласитесь, – нагло заявила она и взяла добавки.

Небо обожгло белым огнем, по глотке словно полилось жидкое тягучее стекло. От следующей порции язык распух и перестал помещаться во рту.

– Мать, ты че, совсем того? – скривился, отпрянув, изумленный Канюков. – Так и откинуться можно, прекрати! Давай поговорим.

Побледневший начальник заметно напрягся, будто сам жрал чистую соль. «Ага, выбила из душевного равновесия», – победно подумала Люша. Пищеvod у нее горел. За грудиной сжимало и давило. Тонкая слизистая в зеве лопнула и пошла пузыристыми язвами, изъеденный рот просил воды. Ложечку за Севу. Интересно, действительно можно откинуться? Ее тошнило, в ушах шуршала солома. Осовелое тело била крупная дрожь. Трясушейся рукой она пыталась попасть столовым серебром в холщовый мешочек.

– Я все, что хотела, сказала, – еле ворочая войлочным языком, промычала Люша, глядя директору в глаза.

На этом взопревший Канюков развесисто вымастерился и сдался.

– Ладно-ладно, дурында. Хватит. Будет тебе фильм.

Фильм состоялся. Прогремел в Каннах, следом – в Венеции. Примерно тогда же Люше позвонила Вера. Ей, кандидату наук и автору монографии о мустьерской культуре, выдали грант на экспедицию в Среднюю Азию, и она собирала команду. Люша, к тому моменту потеснившая на

Севиных проектах прожженных помрежей, заикнулась об этом мужу. «А как я без тебя?..» – оgorошенно спросил он. Да она и сама знала – уже никак. И вообще... То, что делал он, стократ важнее. И Люша отказалась, ощутив где-то слева, под ребрами, мимолетный укол. Она не видела по телефону Вериного лица. По сдержанному прощанию поняла: больше та не пригласит.

Наверное, при желании можно было бы по-хитрому подгадать и, не уезжая далеко, вписаться если и не к Вере, то хотя бы в какой-нибудь коммерческий раскоп при городской стройке – когда проверяют, не завалилось ли глиняного черепка или кремниевого наконечника стрелы в котловане будущего офисного центра. Но мелочиться Люша не хотела, а забот за пределами съемочной площадки у нее и без того имелось в избытке.

За годы замужества с подачи мудрой и светски подкованной мамы Антонины Семеновны Люша освоила вещи довольно тонкие. К примеру, наизусть запомнила дни рождения и номера телефонов досточтимых членов Союза кинематографистов. Подружилась с их влиятельными женами: пожилые манерные матроны в мерклых камнях на дряблых шеях ей покровительствовали. И, разумеется, Люша поднаторела в приемах да премьерях. Образцовая жена режиссера...

К тому же по некоторым недвусмысленным сигналам тела – утробным спазмам, покальванию в набухшей груди и жесточайшему отвращению к еде – Люша на раннем сроке почувствовала: она беременна. Темпа, однако, не сбавила. Практически не поправилась даже. О том, что, а вернее кто прячется в брыкливом животе за полами объемного, мужского кроя пиджака, в павильонах киностудии не узнали месяца до седьмого. На восьмом неугомонная Люша попыталась сдать на права. По-тюленьи вальяжный инспектор хмыкнул: «Идите-ка, дамочка, сперва рожайте».

Андрюша рос ребенком смышленным и наблюдательным. Естественно, еще грудничком попал в кадр, потом рыжеватым карапузом на крепнущих ножках резвился среди кинокамер. Нельзя сказать, что он был от природы артистичен, однако уже в начальной школе проявлял задатки хлесткого остроумия, которое в старших классах принесет ему славу первого балагура и роскошные фингалы под глазами.

Как-то так вышло, что из прежней жизни при Люше осталась лишь коммуникабельная Светка Стрельцова, невыводимая, как помадное пятно на шелковой блузке. К своему сорокалетию она

умудрилась сменить двух мужей (и со дня на день ждала предложения от третьего), успела почелночить с турецкими вещичками, затем прогореть с салоном красоты, родить дочку, подучиться на экономическом факультете, а сразу после миллениума – заделаться менеджером в приличной турфирме.

Праздновать день рождения Света планировала людно, с размахом. Прикинув, во сколько обойдется ресторан на пятьдесят человек, поумерила аппетиты: вдвое сократила список гостей и решила закатить грандиозную пьянку с танцами и шашлыками на даче. Еще позвала на подмогу Люшу, искусную устроительницу банкетов. «А что такого, она мне по гроб жизни обязана, – рассуждала про себя Светка. – Я им со Всеволодом чуть ли не сваха. Без меня бы не встретились! А именитый режиссер, кстати, отлично украсит вечер». Все продумала Света, ничего не упустила. И принялась обрабатывать Люшу, внушая ей ту же самую, пускай и деликатнее изложенную мысль.

Люша не отрицала косвенного участия Светки в их с Севой судьбе. С неохотой согласилась помочь, но поклялась себе впредь на Светкины манипуляции не поддаваться. Севу, который искренне радовался любой шумной пирушке, даже убеждать не пришлось. Опытный кутила всегда имел при себе желчегонные таблетки.

В Солнечное поехали на «ауди»-трехлетке, которую специально для Севы перегнали из Европы. За рулем сидела Люша (права она все-таки получила). Вождение было ей по нраву – оно давало свободу. «А ведь если сегодня обойдусь без вина, мы уже вечером вернемся в город», – тешила себя надеждой Люша. Сева пролистывал сценарий, что-то бубнил под нос и делал пляшущей ручкой неровные пометки. Сзади, за водителем креслом, возился Андрюша. На окончание второго класса ему подарили желанную «Нокию» с цветным экраном; все внимание сына концентрировалось на цифровом содержимом алого противоударного корпуса из прорезиненного пластика.

Дача Стрельцовых оказалась почти такой же, какой ее запомнила Люша: утлый двухэтажный домик с мезонином, фон – бессолнечное летнее небо, чересчур белое и яркое, словно засвеченное неумелым фотографом. В окошке наверху угадывался допотопный торшер. Лежит ли на кресле ветхая шаль? Когда будем в городе, надо ползать дома по полкам и разыскать для Андрея того Шлимана, подумала Люша.

По участку разносились запахи сырой земли и садовой прели. Клумбы, единственно вот, заросли. Упрямые многолетники, кудрявые флоксы и высокие люпины, похожие на разноцветные сложенные зонтики, еще проглядывали, но их душили лебеда и полынь. Некому полоть и ухаживать, гундосая историчка Нонна Викторовна давно умерла. Недалек тот день, когда не станет и Люшиной мамы.

В старости Антонина Семеновна сохранила надрменное изящество и высокую прическу, но опасно полегчала. Кости ее, источенные остеопорозом, хрупки и пористы, как мертвые кораллы. Мамуля... Непослушной рукой Люша коснулась левого уха. Где те зарытые Приамовы сережки, золотые шарики в плетеных корзинках? Мочки она не проколола сознательно. Маленькая жертва в искупление детской вины.

Светка, воплощение беспощадного гламура, нацепила рюшистый топ и кожаную мини-юбку, едва скрывающую крепкие ляжки. Надо лбом с первыми серьезными морщинами у нее сидели здоровенные солнцезащитные очки в обсыпанной стразами оправе. Вызывающий наряд превращал, в сущности, недурно выглядевшую и нестарую женщину в отчаянно молодившуюся бабенку. Она критически оглядела Люшин бежевый льняной жакет и брюки капри ему в тон. Приподняла щипаную бровь: купленный в миланском пассаже костюм, вероятно, был сочтен недостаточно парадным.

– Мам, а тетя Света, что ли, юбку забыла? – громким шепотом спросил Андрюша, когда хозяйка дома, перебирая блестящую бижутерию в треугольном декольте, отвлеклась на жужжащий мобильник.

И этим все сказано. Люша, хихикнув, поднесла палец к губам:

– Цыц, умник, – и подмигнула сыну.

Как таковой стряпни было не так уж много: соорудить незамысловатые закуски вроде помидоров с чесноком, нарезать овощи, разложить ломтики балыка и сервелата, нанизать сырок на шпажки. Люша взяла в оборот прибывших на дачу Светкиных подруг, раздала задания, а сама устроилась с сигаретой на подоконнике, застеленном куском рогажи.

«Девочки», как их игриво называла Света, беспотолково суетились и пихались локтями. Горячее, слава богу, не готовили – мясо было запланировано как мужское развлечение. Тазы, в которых под запотевшими слоями пищевой пленки отмокала бледноватая свинина с вялыми кольцами лука,

ждали своего часа в тархтящем холодильнике. Шашлыком заведовал Светкин потенциальный су-пруг номер три, завзятый охотник и знаток мангальных дел, одетый в камуфляжную футболку и клепаные шорты, казалось, из одних карманов. Сева не преминул вступить с ним в добродушный спор относительно маринада.

Детям на веранде организовали отдельный стол. Андрюша, считавший себя очень даже взрослым, поначалу оскорбился, но затем заметил у хозяйской дочки какую-то более продвинутую, чем у него, «Нокию» и взялся галантно подливать ей из толстостенного графина кисловатый морс. Для ребятни мангальный эксперт запекал картошку в золе и жарил сосиски. Сева исхитрился, выудил из остывающих углей почерневший клубень и принес его наколотым на вилку жене, которая с видом усталого генерала оценивала построение бокалов на скатерти.

– Куда ты, горячо! – предостерег он.

Но Люша, обжигаясь, уже срывала испачканными в саже пальцами толстую корку. Не было для нее ничего вкуснее – походная душа.

«А неплохой, в общем-то, вечер, уютный», – не сколько удивленно отметила Люша позже, за столом. Ей и в город-то расхотелось. Она разомлела, выпила вина. Природный Севин дар – облагородить какую угодно компанию. Рассмешить анекдотом, выбить искру историей, коих у супруга без счету. О кино он мог говорить, будто одержимый, бесконечно. Но когда кто-то хвалил его фильмы, улыбался и застенчиво отводил глаза (он до сих пор, представьте себе, смущался). А как услышал, что Светкин мангальный эксперт играет на гитаре, буквально перевернул весь дом и нашел поцарапанный гулкий инструмент.

Запели Высоцкого. Услышав лихие куплеты, именинница, зарозовевшая и обмякшая, вдруг встрепыхнулась, расхохоталась – и пустилась в пляс, поводя пухлыми плечами и бойко выбивая дробь босоножками на высоченных платформах. Танцы, кураж...

По комнатам разошлись часам, наверное, к трем. Андрюша беспробудно спал, подобрав под себя абсолютно все стеганое одеяло. Сева кое-как стащил брюки и, не сняв рубашки, обрушился на кровать к сыну. В полусне нащупал в изножье запасной шерстяной плед, толстый и затхловатый, натянул до подбородка. Молодецки всхрапнул и отключился. Выпивши он казался Люше донельзя трогательным и забавным, почти по-детски уязвимым. Как же она его любит.

Люша по очереди поцеловала мужа и сына. Нашарила в Севиной сумке сменную футболку, переоделась. Легла – но на нее напала та муторная, глумливая разновидность бессонницы, когда тебе снится, что не можешь уснуть. За окнами беспокойно шушукались и лопотали деревья. Размыто, с трескучими перебоями, светился пьяный фонарь. Люша изнемогала, плавая в этом илистом выморочном омуте, пока ее не выволокла стальным сверкающим крюком отчетливая мысль.

Она вспомнила. Ей надо в сад.

Люша босиком сбежала по лестнице. Уткнулась в запертую дверь. Обшарила в полутьме хромоногую этажерку, переворошила на вешалке летние куртки – пусто. Пусто! Куда, черт возьми, подевались ключи? Звонкая связка, выпавшая из многокарманных шорт во время по-русски размашистой сальсы, мерцала посреди веранды на дощатом полу.

На крыльце Люшу продрал по спине необъяснимый озноб. За воротами, возле обмотанного проводами бетонного столба, под расплывчатой лампой густо роились мошки. Впереди, в шелестящих глубинах, качали шишковатыми ветвями одичалые яблони, волновался и щетинился шиповник, пряча незрелые бархатистые плоды. Как и прежде, было что-то пугающее в темном дыхании сада, в глянцево переплеске черной листвы, в ненадежной, болотной мягкости мха, которая глушила шаг. Оставить? Подняться? Никогда.

Люшу вело чутье – то самое, нутряное, возникшее у нее еще в детстве. Благодаря ему в экспедициях по некоей непостижимой подсказке, по смутному биению земли она не раз и не два безошибочно определяла залегание редчайших находок, фрагментов зуба-премоляра или черепа неандертальца – иные археологи такие лишь в музейных хранилищах могли потрогать за всю свою долгую пропыленную жизнь. За изгибом дорожки она упала на колени. По щекам махнули рыхлые гроздьи мокрой гортензии, уронив на ключицы холодные капли.

Это здесь.

Люша запустила пальцы в жесткую и спутанную, как мочало, траву. Плотные сплетенные стебельки не давали коснуться земли. Она тянула, дергала, терзала клумбу за сваявшиеся лохмы. Ковыряла, наматывала на ладонь, выдирала вместе с рассыпчатыми комьями сросшиеся корневища, пока не врылась ногтями в жирную почву. Копала ее, прошупывала, переминала в руках, не чувствуя сводивших голые икры коротких судорог. Рядом

дрожили, исходя предрассветной влагой, душистые махровые соцветия.

Наконец под чуткие пальцы попали твердые металлические шарики, сцепленные замочками. Какие они, оказывается, маленькие, мамины сережки. Она-то думала, со спелую черешню, а на деле – не крупнее ягоды-брусники. Ждал Люшу клад Приама, никому не дался. Не вылез наружу в день Симона Зилота или в ночь на Ивана Купалу, когда, по старым поверьям, все растения на земле достигают наивысшей силы расцвета, а бесхозные сокровища выходят на поверхность и ищут себе новых владельцев.

Люша так крепко сжимала золото в кулаке, что застежки вонзались в ладонь. Кто она, та, что стоит на грязных коленках, – босая женщина, разменявшая пятый десяток, или девчонка восьми лет от роду, улизнувшая среди ночи в сад? Ею овладело странное чувство, внезапное единство двух состояний, словно там, за обшарпанной дверью, на втором этаже спят... муж-гений и обожаемый сын? Или отец, без седого волоска в бороде, и милая, уставшая мама, к которой Люша, закопав сережки, тихонько заберется под бок? А утром ей достанется, ох как достанется, но вместе с упреками она, счастливица, получит зачитанную книжку в бурой обложке, на которую неизвестный оформитель поместил горшок с желтыми украшениями. И жизнь, пролистанная к началу, непрочитанная и захватывающая, откроется заново, на первой главе...

